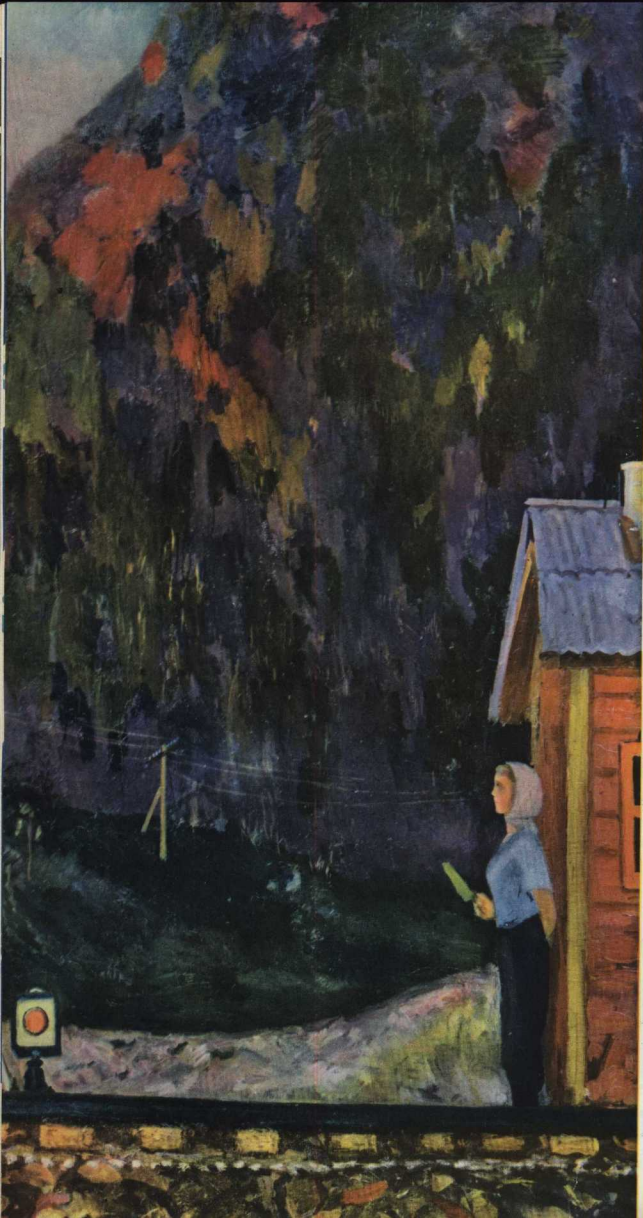

СМЕНА

1960 ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ГРИГОРЬЕВА
МОСКОВСКИХ
ХУДОЖНИКОВ

Е. Григорьева. Стрелчица.
Выставка «На таежных стройках».

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

15 АВГУСТ
1960

Год издания тридцать седьмой

Славными трудовыми делами ответили сталевары московского завода «Серп и молот» на решения июльского Пленума ЦК КПСС. К нескольким тысячам тонн стали, выплавленной сверх плана за первые полугодие 1960 года, сталевары добились в июле еще сотни тонн сверхплановой стали.

На снимке: сталевары бригады коммунистического труда Павла Забегаява Александр Габрилов (справа) и Валентин Клюев.

Константин Паустовский

Главы из новой повести

«БРОСОК НА ЮГ»

публикуются на стр. 4.

МОЛОДЫЕ СТРОИТЕЛИ ЛИПЕЦКОЙ МАГНИТКИ НАЧАЛИ БОРЬБУ ЗА «КОМСОМОЛЬСКИЙ ЧАС».

Сейчас это движение охватило уже...
Не будем забегать вперед, а посоветуем почитать фотоочерк «Золотые часы» на стр. 7.

«КАК ВЫ ПРОВОДИТЕ СУББОТНИ И ВОСКРЕСЕННЫЕ ДНИ!» — С ТАКИМ ВОПРОСОМ ОБРАТИЛИСЬ МЫ К МОЛОДЫМ РАБОЧИМ ТУЛЬСКОГО ЗАВОДА САМОХОДНЫХ КОМБАЙНОВ, И ВОТ ЧТО ОНИ ОТВЕТИЛИ... [см. стр. 14].

УДИВИТЕЛЬНЫЙ КЛАД ОБНАРУЖИЛИ НЕДАВНО В ГРЕЧЕСКОМ ГОРОДЕ ПИРЕЕ. (Откройте стр. 24.)

Молодежь Кубы с оружием в руках готова защищать независимость своей страны от посягательств американских империалистов.

[см. стр. 20].

Трудно сказать, как сложилась бы дальше жизнь Геннадия Южанникова, если бы хорошие, отзывчивые люди из автотранспортной колонии не протянули ему руку помощи. О том, что произошло с Геннадием после, вы узнаете, когда прочтете очерк «Человеку поверили...» [стр. 12].

Первая страница обложки: По заданию редакции молодые художники А. Терташ и И. Кранцов любяжали недавно в новом районе Москвы, сооружаемом в Мневниках. На их рисунке изображено строительство 7-го квартала в этом районе.

Четвертая страница обложки: Один из сильнейших спортсменов страны, Адольфас Варанушас (Каунас, общество «Жалгайрис»), топкает ядро. Варанушас выступит на Олимпийских играх в Риме.

Фото А. Канашевича.

ЧТО ИМ МЕШАЕТ РАБОТА ЛУЧШЕ?

ЧТО ИМ МЕШАЕТ?

Начала ответ на вопрос, стоящий в заголовке, начинался сам собой — ну, ясное дело, нет! Ведь это же проще простого, ведь это как дважды два...

Стоп! Тут-то мне и вспомнилась знакомая еще со школьной скамьи задача-головоломка, в которой довольно убедительно доказывалось, что дважды два — пять. Когда мне с карандашом и бумагой в руках доказали, что дважды два — пять, я почувствовал глубокую досаду. Помню, сразу бросился проверять систему доказывания, пытаясь найти ошибку. И, конечно, не нашел. Но ведь ошибка там была, а это твердо знал! В конце концов «тайна» была раскрыта.

То была детская головоломка. А сейчас — сейчас взрослые люди доказывали, что дважды два —

пять. Говорили всерьез, без тени улыбки, приводили доказательства, в которых ни одной ошибки. И меня снова, как когда-то, охватило чувство досады. Нужно было срочно проверить систему доказывания. Нужно было немедленно искать ошибку.

Но удивительное дело — первый человек, от которого я услышал, что дважды два — пять, оказался очень серьезным и неглупым, с большим жизненным опытом, человеком, отлично знающим производство, прекрасным мастером своего дела. Он работает начальником цеха на комбинате производственных предприятий, входящем в одну из крупнейших строек страны — трест «Котласбумстрой» под Котласом, в поселке Коржикма. Зовут его Николай Викторович Орел. Он-то и сказал мне, что

Первая из главных причин — сменная работа. Все объясняется очень просто: технику работает вечером, а смена вечерняя тоже вечером. Вот и приходится выбирать: или...

Для тех, кто учится в школе, этот вопрос решен еще с прошлого года: организовано сменное обучение утром и вечером. Ну, а для тех, кто в техникуме? Как быть с ними?

Заведующая филиалом Архангельского строительного техникума в Коржикме, энтузиаст своего дела Галина Владимировна Хрястнова разводит руками: конечно, нам бы сменное обучение... Но как его организовать? Ведь это зависит от высших инстанций, от Архангельска.

Пока что единственный компромисс: надеяться студентам вечернего техникума, работающим в две смены, — неделю учиться, неделю пропускать занятия.

О том, как влияет эта система на приобретение прочных знаний, вряд ли следует много говорить. Да, никто не спорит, учить и работать трудно. Но есть еще одна причина, но менее важная, которая мешает учиться девушкам из арматурного цеха КИП «Котласбумстрой». Мешает! Опе Ефремовой, приехавшей сюда из Ленинграда по комсомольской путевке. Мешает Нине Пановой, Тамаре Нодосиной, Светлане Долгополовой. Да не только им — она мешает многим юношам и девушкам, которые учатся и работают не только в Коржикме, но и в других городах, поселках и на стройках. Причина — это же заполученные «дважды два — пять», отношение к этим юношам и девушкам таких людей, как Н. В. Орел. А оно определяется взглядом на учебу, взглядом, проявившимся в ответе на вопрос, который задали Николаю Викторовичу девушке. Вопрос этот был:

ДВАЖДЫ ДВА — ПЯТЬ

Нет, не подумайте, что Николай Викторович так прямо и говорит: я против учебы! Однако то, как он сказал о совмещении учебы с работой, вызвало тревогу, законную тревогу за тех молодых людей, кто работает под его началом. Смысл его слов сводился к следующему: что же, надо так надо. Никуда от этого не деться...

Никуда не деться! Это было первым, что подсказало мне: есть ошибка.

— Чем мешает учеба? — Николай Викторович, сухощавый, черноволосый, говорит неторопливо, убедительно, с чуть заметным украинским выговором. — А вот сами посмотрите. В моем цехе в одной из смен половина людей учится. Сейчас им надо уходить на занятия: по закону отпуск полагается. Ну, уйдут они, а я с чем останусь? Один в пустом цехе!

Мы стоим перед цехом. Вокруг штабеля готовой арматуры, рядом, на полках, идет завалка железобетонных конструкций — плит, колонн, труб. Здесь сравнительно тихо, но шорох связываемой арматуры, звук механических ножниц, образующих стальную проволоку в палец толщину, голос «точечного станка», вжужжающую арматурную сетку, создают незамысловатый и характерный шум, который все время стоит в цехе.

— Второй вопрос возьмем, — продолжает Орел, чуть помолчав, — мне да и всем интересно, чтобы в цехе был постоянный состав. А здесь как оканчат техникум или школу, сразу уходят из цеха. Ну, а во время учебы? Тогда никакого постоянного нет — знай перерывайся тех, кто учится, из смены в смену. А выработка, известно, падает. То выходило по шесть — восемь тонн на каждую работницу, а тут вдруг стало по две-три. И немного удивлялись. Ведь человек прямо с учебы в цех идет, в ночную смену. Голова другим забита, да и ко сну клонит... До работы ли тут!

— Постоять! Как в ночную смену? Ведь есть специальная установка Министерства высшего и среднего специального образования СССР, принятая на основе постановлений правительства. Она предписывает освободить сверхнормы от работы в ночную смену. Значит, здесь попирается закон!

— Нет, — отвечает Орел, — в нашем цехе раньше вообще не было ночных смен. Однако сами девушки, те, кто учится, попросили организовать для них ночную смену. Думали, так будет удобнее. А получилось еще хуже...

Значит, девушки сами пошли на это! Пошли на то, чтобы работать по ночам, лишь бы не бросать учебу! Но что заставляет их так поступать,

«ДЛЯ КОГО МЫ УЧИМСЯ?»

Здесь и крылась одна из основных ошибок в системе доказательств.

— Для кого вы учитесь? — Да ясное дело — для себя. Себе давайте хорошо, а работу себе назид.

— Вся беда в том, что так считают не только Орел. Это взгляд весьма популярен среди небольшого числа руководителей предприятий. Доказывают они свою мысль весьма просто: после окончания учебы человека часто повышают в должности, он получает больше денег, делает себе «карьеру» — значит, он учится для себя. И, как естественный вывод, напрашивается: раз человек учится сам для себя, значит, учеба мешает работе.

Тут и хочется разбить систему доказательств: ведь говоря «сам для себя», вы забываете, что он, этот «сам». Это человек нашего, социалистического общества. Это человек, который живет и трудится для общества, для государства. А чтобы разоблачение ошибки было еще более убедительным, приведу доказательства. Это доказательства — люди, которых я встретил в Коржикме, в тот их.

Дмитрий Запорожец, инженер-строитель, прораб «Доострой». Только что окончил Ленинградский инженерно-строительный институт. После института был оставлен в Ленинграде, но по комсомольской путевке поехал в Коржикму. С этим светловолосым парнем с обветренным лицом мы разговаривали в общей сложности часа три.

— Нравится здесь? — спросил я. — Еще как! Иначе не остался бы, — ответил Дмитрий. — Здесь мне нравится даже больше, чем в Ленинграде.

Дмитрий учился в ЛИСИ, вроде «сам для себя». А вышло — он учился для общества: Запорожец сейчас один из лучших инженеров в Коржикме.

Михаил Соловьев — рабочий. Он учится на 3-м курсе вечернего техникума в Коржикме. Работал на многих участках треста «Котласбумстрой». Овладел почти всеми рабочими специальностями — от землекопа до столяра. Может давно работать бригадиром, но не хочет. «Надо попотеть сначала», — говорит он. Михаилом не навяжутся руководители треста. Парень тоже учится «сам для се-

ГОВОРИТ НАЧАЛЬНИК АРМАТУРНОГО ЦЕХА ТОВ. ОРЕЛ

ОТВЕЧАЕТ КОМССМОЛКА ОЛЯ ЕФРЕМОВА

ба». А выходит, для всех, для общего дела.

Этот список можно продолжить. Но, кажется, и так все ясно. А Н. В. Орлу все-таки не ясно. Я еще раз спросил его: для кого же вы считаете, людей учатся? И он твердо ответил:

«Для себя. Раз не хочешь лопать копоть, идишь выше — значит, учишься сам для себя.

Опять дважды давай! Учиба мешает работе! Хочется сказать ему: оглянитесь вокруг себя! Одним из лучших цехов на КПП считается ваш, арматурный. Он выполняет план на 120—125 процентов. И именно в вашем цехе занимается больше всего людей — одна треть всех учащихся. Разве не ясно: где люди учатся, там и работа лучше

идет! Вы можете сказать: это — совпадение. Хорошо. Разом стоит здание железнодорожного цеха. Это тоже один из лучших цехов на КПП. И там немало учащихся. Больше того, сам начальник этого цеха Лев Гураль учится. Этим курсе вечернего строительного техникума. Может быть, тоже совпадение?

Тот, кто учится, — тот и лучше работает. Потому, что он собранный, целеустремленный человек. Потому, что он технически грамотный работник. Очень хорошо сказал по этому поводу Лев Гураль: — А насколько интересней работать с теми, кто учится! Они понимают все, и говорить с ними легче, и делают все как надо!

Но Николай Викторович Орел при всем своем опите отказывается понять это. И это вызывает

искошение на других предприятиях, отстоящих на сотни километров от Коржым. Примерно такое же положение с организацией учебы в лесопилочном цехе Первого лесопильно-древобработывающего комбината в Маймаксе (Архангельск). И там у тех, кто учится в вечернем техникуме, много пропусков из-за сменной работы, и там многие руководители утверждают, как и тов. Орел с Коржымского комбината произ-

водственных предприятий, что именно учеба мешает работе.

Как в Коржыме и Маймаксе, и во многих других городах и поселках вечернее вечернее образование отказываются организовать сменное обучение, до сих пор не могут выйти из экзаменационного тупика. Вот почему было решено показать эту статью министру высшего и среднего специального образования СССР тов. ЕЛЮТИНУ.

Вот оно,

МНЕНИЕ МИНИСТРА

О ответ на вопрос, стоящий в заголовке, может быть только отрицательный. Считать, что учеба мешает работе, что получение среднего специального и высшего образования является индивидуальным и своеобразным делом, — считать так может только очень недалекий человек, неспособный понять пользу вечернего образования.

Даже и в более узком понимании этого вопроса, даже учитывая узкоэмиссионные интересы производства, вечерняя учеба приносит немалую пользу работе. Ведь культура производства, техническая грамотность учащегося-работника помогут выполнению плана, улучшат качество продукции, культуру производства.

Но, говоря о вечернем образовании, надо прежде всего рассматривать его в широком, общегосударственном смысле. Ведь чем больше будет в нашей стране высокообразованных людей, специалистов, изучавших все достижения современной науки, тем быстрее будет развиваться наша промышленность, наша культура, тем выше будет благосостояние советских людей. А вечернее образование имеет еще особое значение: здесь теснее, чем где бы то ни было, сплетаются теория и практика, наука и производство.

Теперь о том, что может при определенном стечении обстоятельств мешать правильному ходу вечернего обучения.

Таких факторов два: сменная работа и огроменность производств, создаваемых экзаменационными сессиями. Однако ни в одном из этих случаев не может создаться сколько-нибудь серьезная опасность для интересов производства. Всем директорам вечерних учебных заведений, вечерних факультетов и отделений пре-

доставлено право организовать сменное обучение, утром и вечером, с тем чтобы занятия не влияли на работу предприятия, где трудятся студенты.

Наше министерство всегда рекомендует директорам таких учебных заведений шире пользоваться этим правом, создавать максимальные удобства студентам-работникам. Особенно это важно для средних специальных учебных заведений, охватывающих наибольшее число учащихся, среди которых, как правило, подавляющее большинство — рабочие.

Что же касается экзаменационных сессий, то и здесь министерством разработано особый, так называемый ступенчатый метод сдачи экзаменов в вечерних институтах и техникумах. Суть его в том, что сдающие — по курсовому или иному признаку — разбиваются на несколько групп, каждая из которых в сессию по очереди, постепенно. Сессия по такому принципу длится намного дольше, чем обычная, зато совершенно исключаются ее переносы и отбывание производств. Все типовые учебные планы министерства разработаны с учетом этого метода проведения экзаменов.

Безусловно, создание наиболее благоприятных условий для вечерних занятий, для выполнения учебных программ зависит не только от нас, работников высшего и среднего специального образования, но и от общественности, от руководителей предприятий, от каждого человека, понимающего всю важность развития образования без отрыва от производства. Это — дело большой, государственной важности.

Ан. РОМОВ

Коржым — Архангельск — Москва.

ОТГОМНОЕ БЕСПОКОЙСТВО

В се дело в последних словах Орла, о которых я значаще упоминаю. Вот они: — Учишься сам для себя — значит, сам себе и создаешь условия.

Повторяя, Николай Викторович, девушка вашего цеха смогут учиться без вашей поддержки. Уверен, как бы трудно ни было, они окончат техникум.

Как раз в те дни, когда я был в Коржыме, в «Правде» было опубликовано решение ЦК партии о развитии целлюлозно-бумажной промышленности и о строительстве крупных комбинатов. Одним из 16 комбинатов, перечисленных в решении, был назван будущий Коржымский комбинат, который будет построен «Котласбумстроям». И многие его строители в скором времени станут работать на этом огромном современном предприятии. Ну как тут без знания?

Подумать только: на полпути к нам коржымским комсомолец несет 16 человек учащихся! Каждый третий комсомолец занимается, а каждый шестой — студент техникума или института!

Да, этот год — год рождения института в Коржыме. Невероятная вещь: в небольшом поселке — и вдруг институт с тремя факультетами: механическим, химико-технологическим и факультетом промышленно-гражданского строительства! На первом курсе Коржымского филиала лесотехнического института учатся 80 человек, а на подготовительных курсах зачислено 180 будущих студентов.

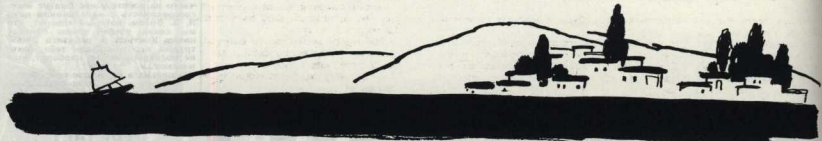
В Коржыме, конечно, есть люди, которые понимают, как важно поддерживать эту тягу молодежи к знаниям, помочь ей продолжать учиться без помех. Таких людей немало. Это Лев Гураль, о котором мы уже говорили. Это секретарь комитета ВЛКСМ Толя Мирошниченко и секретарь комитета комсомола будущего комбината Анатолий Гунов. И, что очень важно, сам управляющий трестом «Котласбумстрой» Михаил Ефимович Савьян — человек, понимающий всю важность учения именно для производства. Это вселяет уверенность, что Оле Ефремовой и ее подругам не дадут сбиться с пути, помогут окончить техникум или институт.

И ВСЕ-ТАКИ

А может два — пять? Пока существует. Об этом говорят до сих пор не напавшие отношения между мастерами и рабочими в арматурном цехе. И не об этом ли говорит из-

рядный процент отсева учащейся молодежи в Коржыме? Только в этом году из 42 человек, принятых в техникум, бросили учебу 16.

О том же говорят факты, про-

БРОСОК А ЮГ

Ниже напечатаны две главы из моей толики, что замеченной книги «Бросок на юг». Обе главы требуют небольшого авторского объяснения, так как печатаются отрывками от текста книги. В одной из глав я пишу о прирасном и забытом писателе Ульяновском. Ульяновский был одним из первых советских писателей. Давно пора восстановить память о нем среди читателей, переиздать его книги (он умер сравнительно молодым и успел написать всего две книги: «Записки о племне» и «Молчаливый подканонер») и наконец, тератеры именован еще одного талантливого и позабытого писателя.

Вторая глава написана о ирровой мести, которую я еще застал в 1923 году в Абхазии и вообще в Закавказье в полной мере. Тогда же начался борсь с этим ирновываемым варварством, и ирровая месь была совершено вытравлена из быта и уничтожена в течение нескольких лет. Да, я забыл упомянуть, что действие книги относится и моей жизни в Закавказье в 1922 и 1923 годах.

К. Паустовский

ВОЕННОПЛЕННЫЙ УЛЬЯНСКИЙ

Рисунки Е. Вачурина.

Батумская газета «Маяк» печаталась на «бросковцах». Это была маленькая печатная машина. Ее приводили в движение ногой. Надо было сильно нажимать педаль, и машина, похожая на зубочерченную кресло, выбрасывала с легким грохотом оттиски размером с лист писчей бумаги.

Размер этот назывался альбомным. Он действительно не превышал величины странички из альбомного альбома для стихов.

Из этих коротких технических объяснений вы сами можете понять, как трудно было мне, редактору, вписывать в эту газету телеграммы РОСТА, все морские новости, статьи, очерки и даже рассказы. Недаром единственный молодой наборщик и печатник по имени Ричард (он был курнос и происходил из города Мелитополя) говорил:

— Это же не газета, а кофетты!

Ричард носил на поясе облезлую кобурту от револьвера «Наган», хотя самого револьвера у него не было и не могло быть. Эта кобурта была для Ричарда атрибутом его воображаемой личности и источником постоянных недоразумений с милицией.

В конце концов кобурту у Ричарда отобрали. С тех пор он потерял все свое нахальство, притих и начал задушевничать.

Я впервые встретил человека, которого ничто не интересовало, кроме оружия. Носить пистолет — впускать, — по его терминологии — было единственной целью и усладой его жизни. Иногда он бросал работу, приходил ко мне в редакцию в «Бордигуэз», швырял в сердцах на стол кепку и говорил с отчаянием:

— Уйду в милицию, камюсус панашей! Дадут мне шпатель с прикладом. Дубовую доску в дюйм толщиной простреляют навзлет с десяти шагов. Шик, друк, иммер элегант!

Это была человек, о каких в народе говорят, что у них вместо души нар. Вскоре я с облегчением избавился от него. С малых лет я не любил

людей, играющих с оружием и рисующихся им. Большею частью такие люди были трусовыми и глуповаты.

После Ричарда газету набирала и печатала внамя и совершенно глухой юноша. Наборщики дали ему дикованное чеховское прозвище: «Саша хочется».

В «Маяке» быстро возникла галерея сотрудников. Каждый из них, открывшись говоря, заслуживает рассказа.

Первым в редакцию, поменявшемуся в моей комнате пришел топий, как жерда посломешенный от голода человек и бывший корректором петербургской газеты «Речь». Он посидел два года в немецком плену и, возвращаясь в Россию, попал помимо своей воли в Батум. Фамилия его была Ульяновский. В руках его потропанной и продуваемой куртки была шпига, как у всех военнопленных, жалкая полуса.

Трудно было понять, как человек, направившийся к матери в Рязань, попал вместо этого в Батум.

— Очень просто, — объяснил мне Ульяновский, сядя за кухонный стол — в редакции и глотая слюну. На столе лежал свежий чурек, кусок колбасы и стола облепленный эмальированный чашки. — Очень просто, — повторил он. — Наша команда попала в самую заварку. Сначала нас вышвыривали из шипалона по нескольку раз в день, вербовали в банды, грозилась размерном, а потом выгнали из ретушежек совсем: «Идите, куда хотите, хоть к такой-то бабунки, только не путайтесь под ногами. Дотопаете до места пешком, да еще скажете спасибо, что не заставили нас драться». «С кем?» — спрашивает. Отвечает каждый раз по-разному и довольно вкисно, — то с григорьевскими, то с Махной, то с галицифами, а то еще с какими-то «батьками» — Перелай-Кашубой и Зипиловом. Тут-то мы окончательно поняли свое бедственное положение и, кстати, поняли, что сейчас из себя представляет бывшая Россия. Кто-то из пленных густо лозунг: «Прибавляйся к кому попало, абы двояко жалко ни насть воек!» Часть прибавлясь, а нас — неприкаянных — оставалось только трыть из всего шипалона. Решив все-таки пробраться на восток, по домам. Все время сетаями, чтобы обойти опасные, взрывчатые места.

Сначала нас медленно отжимало к северу, потом начало жать обратно на юго-запад, но вдруг сдвинуло одним рывком к востоку и югу, прямо к Дону и за Дон — к станице Тихорецкой. Там нас все-таки забрали на трудовые работы и отправляли в Туапсе. А из Туапсе — русской поезде до Батума. Сюда я попал один — товарищи отстали.

Сейчас я не понимаю главного — где я? И кто я такой? Имею ли я право жить, или я уже мертвец и только по недомосту охраны боляюсь на этой земле? Это я говорю вам к тому, что мне необходимо понять, что происходит, и почувствовать себя не мишенью, как я себя считал последние три года и человеком. А для этого мне нужна работа, хотя бы самая жалкая. Вот я и пришел к вам. Прочел на дверях объявление и пришел.

Говорил он тихо, убежденно, но не подымая глаз, — все время смотрел на свои новые заскорузлые ботсы. Кожу на лице и руках у него была тусклая и серая от увядающей в порку утомленной шали.

— Вы где ночуете?

— На товарной станице. В пустых товарных вагонах.

— Погодите минутку.

Я вышел к команданту дома. Надо было поговорить, чтобы устроить Ульяновского ночлегу.

Когда я вернулся в редакцию, я с удивлением взглянул на Ульяновского — какая пона обьяльно стокала по его небритым щекам. На столе было пусто. Я не обнаружил ни крошки хлеба и ни единого ломтика колбасы.

Я сделала вид, что ничего не случилось. Но Ульяновский, ховечно, по-

их, что внезапное и таинственное исчезновение моего жалкого дневного пайка не может пройти незамеченным. Голова и руки у него дрожали.

Больше всего я боялся сделать какую-нибудь неловкость, чтобы не обидеть Ульяновского.

Я показал ему чужан для начала, но он отказался ночевать в нем, сказал, что привык к свежему воздуху и потому предпочитает товарищеские вагоны, более освещен в Батуме очень тепло. Потом он сказал, что идея бы написать для «Маяка» несколько художественных очерков о русском порте. Я согласился.

Через два дня Ульяновский принес мне этот очерк. Он написал его своим карандашом на обороте железнодорожной накладной. Текст очерка шутливо с графиками накладной, и в нем ничего нельзя было разобрать. Я дал Ульяновскому бумагу и заставил его переписать очерк чистово.

Потом я читал очерк, а Ульяновский пил, отлучаясь, чай с черствым хлебом и сахарином и иссоха поглядывая на меня.

Очерк напомнил мне лучшую прозу Куприна. Он был так же свеж, сочен, богат живыми подробностями. Трудно было поверить, что этот очерк был первой литературной работой Ульяновского, хотя он божился, что это именно так.

Я перечитал очерк, задала Ульяновскому вопросы, и с тех пор Ульяновский почти все дни просиживал в редакции и помогал мне во всем. Он даже научился набирать, а когда «Спать хочется» бедал от усталости, что с ним бывало нередко, Ульяновский крутил за него голов «бюстиков».

Писала Ульяновский легко. Мне нравилась манера Ульяновского изображать характеры людей при помощи внешних признаков, едва заметных примет.

Так, в одном из очерков, он описывал капитана английского наливного парохода. Очерк он назвал «Макинтоши». По существу, он подробно писал в нем о новом макинтоше, который вывел на этом капитана. Но все качества макинтоша — холодного и чуть лишконого на ощупь, пахнущего дезинфекцией, трескучего и неудобного серого, как дождевое небо, — все эти качества передавались владельцу этого макинтоша — капитану.

Лицо его казалось, — писал Ульяновский, — выгрезившим из куска макинтоша и невдалеку вырвавшимся о коже тонкой, холодной и скользкой, как лгушка. Цвет глаз капитана был незначителен от цвета макинтоша, — скука, холод, серада и плоскость мыслей отражалась в этих пустых и скучных глазах. Эти глаза ничему не удивлялись и ни от чего не могли прийти в восторг.

Всюду плавала вместе с капитаном и его макинтошем уверенная в себе скука и отсутствовала душа, мессидра и голы, как контрольные часы, — коротким карканьем немногих английских слов. Их капитан скупо отщипывал, как аршинметре, в течение длинного корабельного дня.

ЗАКОЛОЧЕННЫЙ ДОМ

Вдоль сухоморской набережной тянулись в то время, в 1922 году, темноватые и визкие духаны с удивительными названиями: «Зеленая скумбрия», «Запрат на ходу», «Отдых людям», «Царица Тамара», «Остановись, голубчик».

В каждом духане висело на стене впечатанное крупным шрифтом объявление: «Кредит никому!». Только в одном из духанов, это нежное предупреждение было выражено более вежливо: «Кредит можно испортить отношения».

В окне парикмахерской тоже была своя вывеска: «В кредит не одеваем».

Я не ручаюсь за безусловную точность передачи писательской мысли Ульяновского, но в общих чертах это было так.

Ульяновский выжидал несколько к себе увязание. Он никогда не говорил зря и, видимо, весь плен перестрадал молча, накопившая запасы наблюдений и тишина.

На второй месяц своего сотрудничества в «Маяке» он пришел рано утром и, отводя глаза, сказал, что через час уходит из Батума в Баку, где у него живет тетка.

— Не могу сидеть на одном месте, — признался он убитым голосом. — Противно!

— Вы что же, — спросил я, — собираетесь идти в Баку пешком?

— А то как же! Я уже прошел пешком от Мирзиюла до Батума. И меня ставили к стенке всего три раза. Только три раза! Дожду и до Баку.

И он исчез, чтобы неожиданно появиться через два года в Москве по пути из Мурома в Ленинград, — опять от какой-то тетки к другой тете. Снова он шел пешком.

Я пошутил насчет его многоиссленных теток, а он усмехнулся в ответ и сказал:

— Что же подавать, если это так. Я иду и представляю себе, как милые ленинградские старушки — тетя Гафрия и тетя Поля — они живут на Прижье — будут радоваться мне, давно уже пропавшему без вести, как соберут простой ужин, как окна в домишке запечатот от самовара, каким удобным покажется мне христианский диван под сенью фикусов, какой великолепней сон придет на смену усталости. Но и фикусов, какой великолепней сон придет на смену усталости. Но и утром, когда снова и снова, но как бы впервые, развернется передо мной одним вечером самая прекрасная в мире панорама неских берегов.

— Да, — сказал я, захваченный его сдержанным волнением. — Да...

«А над Невой — посольства полумира, Адмиралтейство, солнце, тишина...»

— Я помню, как вы читали эти стихи в Батуме, — улыбнулся Ульяновский. — Ну, будьте здоровы. Еще увидимся.

Но увидеть мне не пришлось. Через год я получил почтовую бандероль из города Читирина в Украине. В бандероли была книга Ульяновского. Называлась она, кажется, «Залиски из плена» и была издана в Ленинграде. Из надписи на обложке я понял, что Ульяновский снова бродяжит по стране.

Книга была написана свежо, крепко и, я бы сказала, беспощадно.

Вскоре я купил в Москве новую книгу Ульяновского «Мохнатый пиджак» с предисловием Федина. Из этого предисловия узнала, что Ульяновский недавно умер от тифа в Ленинграде.

Ульяновский начал как большой писатель. И было очень горько, что погиб этот человек, не успевший отдохнуть от плена, писавший в полном одиночестве свои превосходные книги, было горько и от того, что никогда ему не подует ему в лицо любимый им черноморский ветерок или, как он ласково и насмешливо говорил, «зефир».

Объявление о кредите висело повсюду, даже около уличных шашлычковых. Они готовили шашлыки на замасловатых сооруженных — к железному стержню были привязаны одна над другой продурившие жесткие сковородки. На них лежали по отдельности куски баранины, помидоры и нарезанный лук.

Под сковородками наваливали гору палюющих угля, медленно вращали стержень, и шашлыки жарились, вертись, в горячем соку лука, допущивших помидоров и собственном жиру и распространяли по Сухому жесткий чад. Временами этот чад был слышен даже на рейде. От него першило горло.

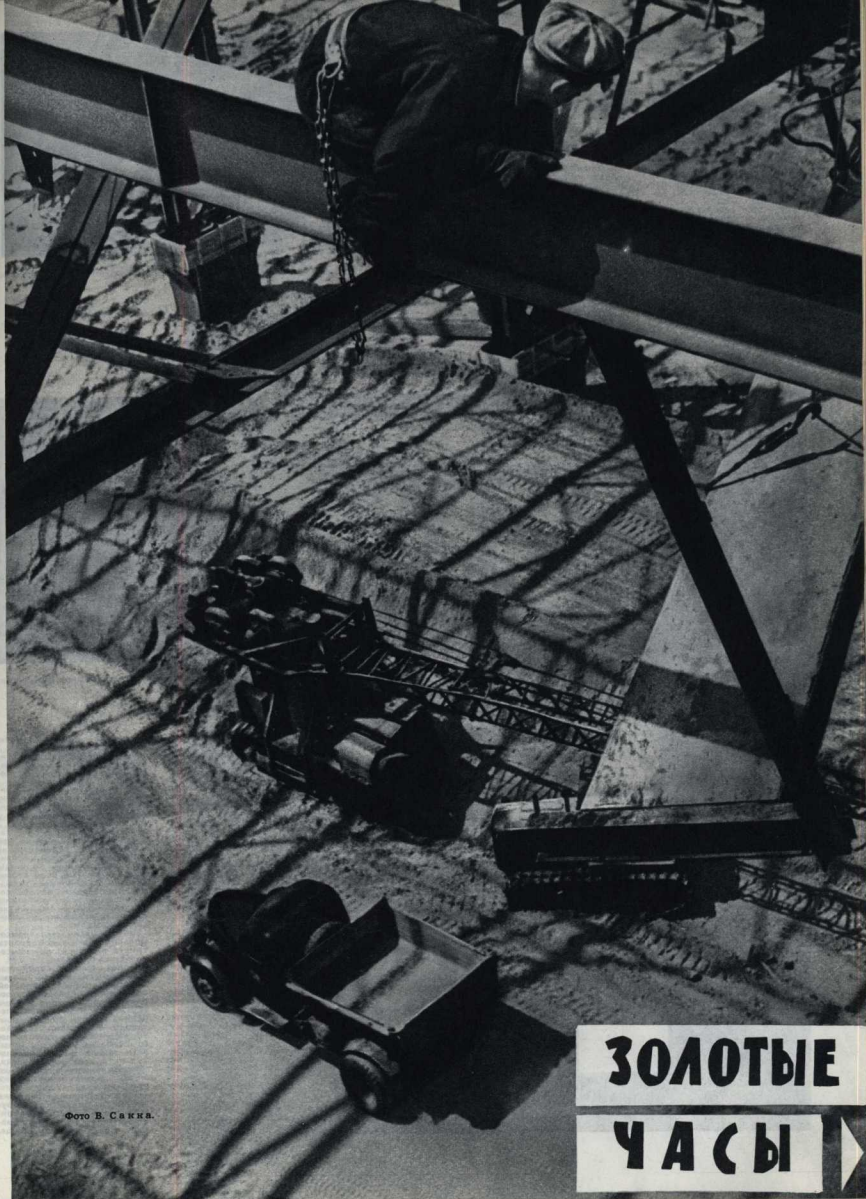

Фото В. Сакна.

**ЗОЛОТЫЕ
ЧАСЫ** ▶

Чтобы выкурить сигарету, нужно восемь минут. Парсажа новой кинокамеры займет не меньше. А на обустройство фасаона нового платья уходит порой больше времени, чем требуется на его шитье. Все это обычные дела нашего рабочего дня. Ведь едва ли станешь читать перерыва, чтобы выкурить сигарету или переменить парой слов с подружкой. На это всегда находится минута, другая, третья...

Минуты! Кто их считает? Не считал их и Саша Демидов до той поры, пока однажды не узнал, что за минуту — этот небольшой промежуток времени, который мы кинто на привычки учитывать — можно сделать очень много. Оказалось, что в 1965 году, например, за минуту будет производиться 170—175

тонн стали. Пробегит секундная стрелка круг — получен один миллион киловатт-часов электроэнергии, достаточной для обеспечения в течение года целого города с населением в 75 тысяч жителей.

Сделает минутная стрелка один шаг — выдано на горь 1 200 тонн угля, добыто 460 тонн нефти, получено 300 тысяч кубометров газа, сделана тысяча пар обуви.

За каждую минуту в последнем году семилетия будут вводиться в эксплуатацию четыре квартиры в городе и два дома в сельской местности.

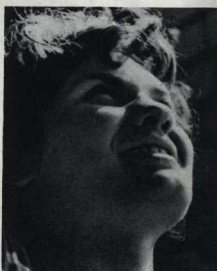
Эти цифры не давали Демидову покоя. Кинто во время перерыва он поделался своими мыслями с товарищами.

И все это можно сделать за одну только минуту.

Малирь Нина Терехова из комсомольско-молодежной бригады

Работы верхолазов-отделочников захватывает своей виртуозностью.

Мастер Тамара Щербанова.

А сколько таких минут мы часто теряем попусту?

Рассказ бригадира увлек ребят. С этого дня комсомольцы из бригады Саши Демидова стали кинто по-новому чувствовать время, старались не тратить его напрасну.

Раньше никто не обращал внимания на то, что самосвалы выгружают раствор в десяти — пятнадцать метрах от здания, где ребята штукатурили стены, — ближе подехать было невозможно.

— Ничего, руни у нас здоровые, — говорили штукатуры и таскали ведра с раствором арочну, затрачивая на это немало драгоценного времени.

А тут подумали: «Чем тысячу раз от дороги к ведрани ходить, лучше один раз пройтись с лопатами». Так и сделали. Через два часа от завалов на пешеходных путях ничего не осталось.

В результате бригада выполнила дневную норму на полчаса раньше.

Загорелись ребята — интересно получается. Стали думать, где приглядываться дальше. Раньше каждую стену комнаты штукатурили два человека. Работа мешала друг другу. Кто-то даже попутал:

— Плохо мы в одной комнате уживаемся!

Сюкия Саша и прорабы Александр Васильевичи крепить за бригадой сразу

несколько комнат, чтобы фронт работ стал шире.

В тот день бригада закончила смену на час раньше. Пришли штукатуры в комсомольский штаб, просят:

— Пошлите нас куда-нибудь поработать на часок. Мы свою работу кончили. Больше делать нечего, а у нас в залежь час времени.

На следующий день в газете «Ленинская правда», что издается на строительстве Липецкой Магнитки, появилось обращение бригады А. Демидова ко всем строителям цеха холодного проката, призывавшее начать соревнование за экономию часа в каждую смену. Так началось движение за комсомольский час.

Через месяц за комсомольский час уже боролись триста пятьдесят две комсомольские бригады.

Новая форма соревнования принесла добрые плоды. Малыри Тамары Щербановой закончили окраску маслопроводов на три дня раньше срока. На десять дней опередела график бригады монтажников Василия Демидова, «Молнии» комсомольского штаба не успевали называть новые имена, рассказывать о всех новых часах, сэкономленных молодежью, о вне рационализаторских предположениях.

Бригаде Николая Сергеева поручили за сутки соорудить двадцатиметровый тоннель. Пока связывали арматуру и бетонировали днище,

плитки Сергеева, не дойдясь, как раньше, окончание этих работ на полигоне, готовящую внутреннюю часть опалубки.

Когда же бетонщики и арматурщики ушли из тоннеля, плитникам осталось только установить крановую опалубку на место.

Однажды бригада электромонтажников Николая Марина работала в ночную смену, прокладывая кабели и реверсивному стану. А тут вдруг на линии случилось повреждение. Погас свет...

Потерять время? Не сделать дела? Об этом ребята и думать не хотели. Тут-то и предложили кто-то замочить фары автомашин. Так и проработали комсомольцы до тех пор, пока поломка не была устранена.

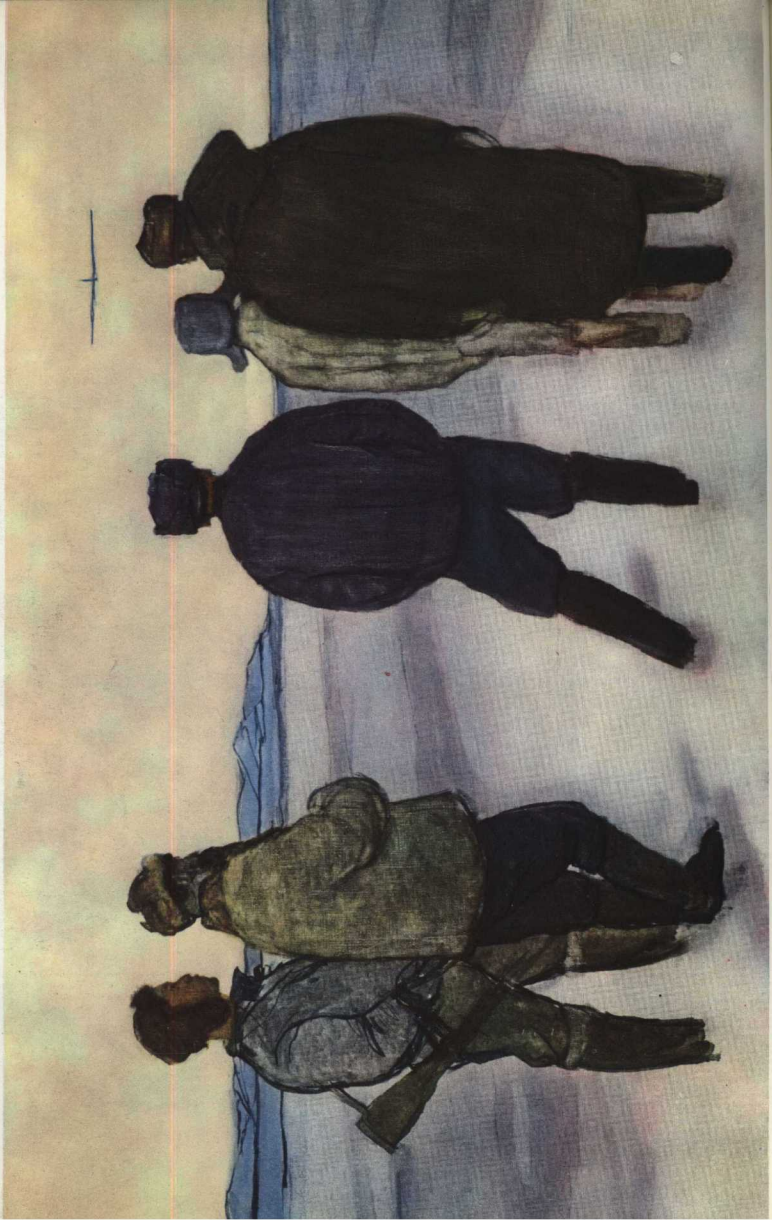
Десять «каждая минута — это минута семилетней» пришлось по душе личностям комсомольцам. С его помощью удалось досрочно завершить строительство первой очереди цеха холодного проката, собрать пятиметровой стан, выдать первый лист трансформаторной стали на много дней раньше срока.

Да, на стройке каждый теперь знает, сколько минут нужно на перекур! Ведь сиюминутная минута — золотая. Она — частица фундамента победы в большом соревновании.

Светлана ЧЕРЫГИНА

И. Кудина. На Большую землю.

ВОСПИТАТЕЛЬ САМОЛЕТОВ

Фото Г. Дубинского.

Г. ГРИГОРЬЕВ

Известный советский летчик-испытатель Владимир Константинович Коккинали удостоен Ленинской премии. Судьба этого удивительного человека — смелого, сильного, волевого — прекрасный пример для молодежи.

Сегодня мы публикуем несколько эпизодов из его жизни, в которых ярко раскрываются замечательные черты характера летчика-героя.

«РАЗВЕ МЫ ЖИВЫ!»

...Это было четверть века назад. Однажды вдвоем с инженером, проводившим испытания нового прибора, Владимир Коккинали поднялся на большую высоту. Самолет шел над холмистой поверхностью облаков, над ним горело солнце. Летчик время от времени поглядывал в зеркальце: что делает инженер?

И вдруг... Из парашютного конверта инженера вырвался и стремительно раскрылся белый купол, который стал тянуть пассажира из кабины. Как видно, тот, неловко повернувшись, задел вытяжное кольцо. Вместо того, чтобы отстегнуть ремни, прикреплявшие его к сиденью, и покинуть самолет, инженер перочинным ножом перерезал стропы.

Шелковый купол злосчастного парашюта зацепился за хвостовую опережку самолета. Машина потеряла управление и начала падать.

Гибель казалась неминуемой. Земли еще не было видно, но она стремительно приближалась, грозная и неумолимая.

Чтобы спастись, надо было прыгать. Летчик обернулся, и вдруг его взгляд встретился со взглядом человека, обреченного на смерть.

«Поглябать, так обомли,— мелькнула мысль, и Коккинали с невероятным усилием потянул на себя ручку. Ценой огромного напряжения он сумел зарывнуть самолет в пятидесяти метрах от земли и приземлиться на какой-то огород... Летчик не сразу смог разжать сведенные в усилие пальцы.

Прыдя в себя, он вылез из кабины и подошел к заднему сиденью, чтобы помочь перепуганному товарищу.

Ну, как вы там? — спросил Коккинали.

Инженер посмотрел на него с удивлением:

— А разве мы живы!

ПЕРВЫЙ РЕКОРД

Коккинали родился в Новороссицке, в сельском и шумном портовом городе. Здесь все дышало морской романтикой. И конечно, по океанским дорогам. И, конечно, каждый мальчишка в Новороссицке мечтал стать моряком. «Наши ребяташки умеют плавать

раньше, чем научатся ходить», — шутили в городе, и в этом была доля истины.

Володе Коккинали вырос буквально в двух шагах от воды. Семья портового весовщика Константина Павловича Коккинали ютилась в полуразрушенной будке на Каботажном молу. Жалованье весовщик получал небольшое, а в семье было семеро ребят.

— Очень остро стояла проблема штанов, — с грустной улыбкой вспоминает летчик. — Без брюк в школу не пойдешь, а купить их было не на что!

Володе было неполных одиннадцать лет, когда он пошел зарабатывать себе на штаны. Мальчик стал трудиться на знаменитых виноградниках завода шампанских вин «Абрау-Дюрсо» в двадцати пяти километрах от родного дома.

Потом юноша стал работать грузчиком. Коккинали был самым молодым в артели: над «молокосом» слегка подтрунивали бывалые портовики, и Володя решил показать им, на что способен. Однажды он взял на свою широкую спину туку мануфактуры весом в 288 килограммов. У него дрожали колени. Пошатываясь под непомерной тяжестью, он шел по сходам, казавшимся на этот раз бесконечно длинными. Стиснув зубы, повторял про себя: «Врешь, не упаду, врешь, не упаду!»

Он шел, окруженный толпой грузчиков, взволнованных экспериментом «молокоса», не слыша ни криков, ни смеха, шел, обливаясь потом. На зыбких сходах, у самого борта корабля, юноша поскользнулся и чуть не угодил в воду. С большим трудом ему удалось удержаться на ногах. Вот нехочен и трюм. Парнишка сбросил туку со спины и радостно засмеялся... Так Владимир Коккинали поставил свой первый рекорд.

О нем долго говорили в порту. Впрочем, имя Коккинали тогда нередко упоминалось в Новороссицке: юный грузчик был известным спортсменом. Он установил рекорд Северного Кавказа по толканью ядра, участвовал в боксерских матчах, без устали плавал, перепрыгивая на гимнастическом снаряде, долго был вратарем сборной футбольной команды города...

Море и небо издавна влекут к себе отважных, крепких душой и телом.

Моряки, освоившие водный океан, были и первооткрывателями воздушных путей. Недаром французским словом «пилот» — «рулевой корабля» — стали называться летчики. И совсем не случайно, что юноша из портового города, рано научившись смотреть в глаза опасностям, подстерегающим человека на море, стал мечтать о небе.

Эта мечта осуществилась. Красноармеец Владимир Коккинали был направлен в летную школу и по окончании ее стал классным воздушным бойцом. Он недолго летал на истребителе. Молодому летчику, хорошо разбирающемуся в технике, предложили попробовать свои силы на испытательской работе.

«МАШИНА БЕСПРЕДЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

Он встретился в 1931 году. Молодой конструктор Сергей

Владимирович Ильюшин приступил к проектированию своего первого самолета, а Владимир Константинович Коккинали только начинал работать летчиком-испытателем на заводе.

Первый самолет конструкции Ильюшина — двухмоторная транспортная машина — вначале получила малоизвестное название «ЦКБ», по литерам Центрального конструкторского бюро. Позже самолет переименовали в «Москва».

«ЦКБ» испытывал Коккинали. Изучение «характера» машины началось, как обычно, с наземных

1926 год. Новороссийские борсмены перед матчем. Второй слева — В. Кокинники.

пробежек. Сначала самолет рулил по заводскому аэродрому со средней скоростью автомобиля. Постепенно летчик прибавляя газ, и новая машина уже мчалась по взлетной дорожке со скоростью отрыва от земли.

Потом начались полеты. Самолет словно нехотя отделился от земли и шел на высоте двух-трех метров. Полет продолжался считанные секунды, во время которых надо было оценить управляемость машины, ее устойчивость в воздухе. Кажется, все в порядке. Можно совершить каждый первый полет опытной машины, по существу, является именно таким прыжком. О предстоящем полете на заводе узнали заранее. Смысл на время дробный перестук пневматических молотков. Опустели щехи. Все — от уборщицы до главного конструктора — ушли на аэродром. Шли весело, как на праздник.

Завели моторы. Самолет после недолгого разбега оторвался от земли и стал набирать высоту. Сделав несколько кругов над аэродромом, летчик плавно привлекли на взлетно-посадочной полосе. Его встретили аплодисментами и громкими криками «ура».

По несколько раз в день Кокинники поднимал в небо лобовики ему машину. После многих испытательных полетов, в том числе и дальних рейсов, во время которых выявилось, что самолет обладает значительной скоростью и большим радиусом действия, летчик сказал Ильюшину:

— У этой машины беспредельные возможности, я это докажу! В 1938 году он совершил на этой машине беспосадочный рейс из советской столицы в район Владивостока за 24 часа 36 минут, а то время как самолеты гражданского воздушного флота покрывали это расстояние за несколько суток.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Через год «Москва» полетела в Америку.

В наши дни воздушные лайнеры за 12—13 часов легко преодолевают путь от Москвы до Нью-Йорка. Но 20 лет назад Старый и Новый свет еще не были соеди-

нены воздушной дорогой. Чтобы попасть из советской столицы в заокеанскую республику, нужно было 10—12 часов лететь из Москвы до Лондона, а потом на пароходе-экспрессе плыть почти пять суток через Атлантический океан. Более короткого пути не было.

Своим историческим перелетом через Северный полюс Чалов, Байдуков и Белокос сократили путь из Европы в Америку до 63 часов 18 минут. Громуво, Юмашеву и Данилину на это потребовалось на час и одну минуту меньше.

Кокинники задумал долететь из Москвы до США за один сутки. Он выбрал для этого путь, отличный от трассы, проложенной Чаловым и Громувым.

Вариант Кокинники не зависел от времени года. По предложенному им пути можно было летать и летом и зимой. Трасса проходила через сравнительно населенные страны — Финляндию, Швецию, Норвегию, Исландию, Канаду, где не так уж сложно создать промежуточные пункты будущей воздушной линии.

В сентябре 1959 года советский лайнер за 12 часов 21 минуту доставил Н. С. Хрущева и сопровождавших его лиц из Москвы в Вашингтон. Воздушный корабль на большой высоте пролетел над Швецией, Норвегией, Исландией, Канадой по маршруту, намеченному двадцать лет назад В. К. Кокинники.

Героический экипаж самолета «Москва» находился в полете 22 часа 56 минут, прокрыв путь по прямой в 6 516 километров (фактический путь самолета превысил 8 тысяч километров).

Кокинники и его штурман Гордиенко приехали в Нью-Йорк (после посадки на пустынный островок Миску) 1 мая, в день открытия Всемирной выставки 1939 года.

В Миску перед самым стартом к летчику подошел советник посольства США и вручил ему письма для передачи президенту США.

— Куда письмо? В Америку? — улыбаясь, переспросил Кокинники.

— Да, в Америку. — Есть такое дело? Письмо в Америку доставлено сегодня!

На конверте, привезенном Ко-

кинники в Нью-Йорк, стояли рядом два почтовых штемпеля — Москвы и острова Миску. Даты были одинаковы — 28 апреля 1939 года. Это было первое письмо в истории, доставленное за один сутки из Европы в Америку.

ТРЕНЕР ВОЗДУШНОГО ГИГАНТА

Всем машинам Ильюшина — от «ЦДБ» до «Черной смерти», как прозвали гитлеровцы вступивший им умас штурмовик «ИЛ-2», и до последних воздушных гигантов — дал «путьку в жизнь» заслуженный летчик-испытатель СССР В. К. Кокинники.

Очень сложными и долгими были испытания воздушного лайнера «ИЛ-18» — машины огромных размеров, большой грузоподъемности, высокой скорости.

В таком самолете следует все предусмотреть. Пассажир не должен опасаться за свою жизнь даже в том случае, если по какой-нибудь причине сядут два и даже три из четырех двигателей. А если внезапно выдет из строя вся моторная группа (что практически исключено), летчик обязан, умело планируя, дотутнуть до ближайшей посадочной площадки.

В современном лайнере пассажиру предоставляется максимум удобства. Он сейчас кактусе обычным, однако не только конструктору, но и летчику-испытателю пришлось преодолеть немало дополнительных трудностей.

Кокинники не помнит, сколько полетов совершил он на «ИЛ-18». Для того, чтобы проверить, как будет вести себя воздушный корабль в условиях низких температур, он летал в Арктику. Чтобы знать, как отразится на машине жар, он водил лайнер над пустынями Средней Азии. Испытательные полеты продолжались и тогда, когда «ИЛ-18» вышел на воздушные трассы и еще больше приблизил Москву к Нью-Йорку и Ашхабаду, Праге и Адлеру.

Как хороший тренер готовит к рекордам способного спортсмена, так и шед-пилот воспитывал новую машину, вел ее к высоким показателям, к мировым рекордам.

В. П. Чалов и В. К. Кокинники на Центральном аэродроме в 1935 году.

СЛЕДЫ В НЕБЕ

Ранним утром 19 августа 1959 года обходный серийный «ИЛ-18» начал рекордный скоростной полет.

С огромной скоростью мчался в облаках серебристая стальная птица. В ее багажном отделении и в пассажирских кабинках было уложено мешки с песком весом в 15 тонн. Расстояние в 2 тысячи километров «ИЛ-18» прошел со средней скоростью 719,5 километра. Это были новые мировые достижения.

За свою долгую летную жизнь дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации В. Кокинники установил 24 международных рекорда. Больше половины из них поставлены пилотом в возрасте, когда уже мало кто летает, — Владимирю Константиновичу Кокинники 56 лет. Все его свершения давно уже «отлетались», а он продолжает бороться воздушных океан.

Летчики любят повторять одно положение автора теории относительности Эйнштейна: «Чем больше скорость, тем медленнее течет время». Что ж, это целиком можно отнести к Кокинники...

Старший летчик-испытатель страны награжден Ленинской премией за участие в создании замечательного лайнера «ИЛ-18».

Слов нет, «ИЛ-18» — отличная машина, но ее создатели, в том числе и шед-пилот испытатель, работают сейчас над новым вариантом лайнера, который будет еще более экономичным, вместительным, быстродвижимым.

***

Сколько раз мы следили за тем, как высоко в небе летит самолет! За ним тянется белый пыльный шлейф. Еще мгновение — и растет в беспредельной синеве серебристая точка. Потом исчезает и длинный облачный след.

И все же они, эти следы, остаются в памяти людей. Было у нас немало блестящих полетов и рекордов, которые оставили неизгладимый след в истории авиации.

Советские летчики отважными делами подготовили нынешний расцвет воздушного транспорта. Среди них один из почетных мест принадлежит В. К. Кокинники.

Переводы с греческого.

МИРНАЯ ПЕСНЯ

Мы в темне марша ходим на работу
И распевая боевые песни,
«Ара!» — мы кричим огню легкой. —
Горь сильней! Скорее разгорайся!
Так мы огню сражения кричали —
«Ара!» ведь по-гречески «Ара».
В кино мы ходим только на «Чапая»,
А только вглядываем только сны о фронте,
Тревожные, мучительные сны.
Когда я сигареты покушаю,
Я разрываю их и высыпаю
Табак в измятые и влажные газеты
И самокрутку радостно пишу.
Дыхну дыма, и впроде дичье дышит.
Еще дыкну — и веселье пишется.
О чем?

О том же самом — про войну.
И вот одаждам я впервые в жизни

Попробовал писать о мире.
Два дня вся наша комната смеялась
От всей души над этими стихами,
Где я сравнил букет гвоздики
С разрывными гранатами,
Где рифмовал «ручные пулеметы»
И «глины перелеты»,
А острогу камышиной угодбила
Обезывестной остроте пытка.
— Что ты суешь свой нос военный
В тебе мелочную тему мирной? —
Кричали с хохотом мои друзья,
Я слушал их, повесив нос военный,
С открытым ртом я слушал эти крики...
Я видел красоту моей земли
Словом пылотивым полог фронтового дыма
И шлока ее не наблюдал.
Сквозь мирные курительные гардины,
Я детские короткие штанишки
Смешал на галифе фрунтоника.
О бесприморных мои стихи!
Мир как собрал на боевом дорогах
И, как Макаренко, привел в детдом.
А вы никак не можете привыкнуть
К спокойствию, порядку, дисциплине
И, сбрасывая мирные ботинки,
Бесым убегают в поход.
Но мир и терпеливой и спокойной
Всех педагогов. Заново, и снова,
И слышова

он входит в сердце
Не для того, чтоб я забыла войну,
А для того, чтоб я смеяла на битвы
Со светлой стороны —

глазами мира.
Как ветер разгонит дым сражений,
Так мир врывается во все сердца.
Уже содвинуть напевают песни
Из кинофильмов о любви и дружбе,
Уже во сне они кричат все реже
Горнякие называя биты и шепчут
Певучие девичьи имена...
Акацией запахи наши сны!
Неспешно, медленно, неторопливо
И неостенно мы перемешиваем
Ведь поле боя станет мирной нашней
Не в час, не в день.

Дни нашей жизни чем-то походили
На деревенские женщины. Без опаски
Они принимали на выжженную землю,
Смугляли с козьей ржавую колючку
И обгугливали ею виноградник.
Мы изменялись медленно, неспешно,
Неторопливо и вдруг — переменялись.
Так шассажир заснет и стены сожженной
И просыпается под шум прибоя.
Вот он бросается к окну战争的,
И смотрит, и глазами своим не верит.
Но все вокруг кричит: «Гадасса! Морей!»
И он всею радостно кричит,
Как встретил бы вагон морские волны,
Так наша комната встречала песню мира.
Я помню сердца моего бынье
В тот давний день, при боевом крещенье...

В день мирного крещенья сердце билось,
И вам кланусь, стократ сильней.
Мои стихи! Навеким полюбите
Мир!

Вместе с облаками мира
Бегите по небу за мирным солнцем,
Как дети за телегою с цветами,
Всмянитесь в толпы заводских парней,
Что провозжат девушек с работы.
Саружитесь навсего, мои стихи,
С ронительными голасами мира,
С гудками паровозов и заводов,
Саружитесь навсего, мои стихи,
С призывными звоныками всех вокзалов,
Где все встречается и расстаются
С приветливыми, добрыми словами:
«Желаю счастья», «Доброго пути»,
«Добро пожаловать!», «Всего хорошего!».
Пусть ваши колокольчики звенят
Одну мелодию с колокольками жизни.
Стихи мои!
Навеким полюбите
Язык устойчивого мира
И трижды полюбите эту землю,
Куда пришлы вы из огня сражений
И где впервые в жизни усматкнули
Язык устойчивого мира.

Перевел Борис СЛУЦНИН.

БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ

Печаль утрат... Кажется, сердце стало
Потухшим факелом, афисскою ладью,
Что лупус траурный домой нест устало,
Минюсов Крит оставил за кормой.

Но с классною доской сегодня смею
Сравню и сердце. После лет тоски
И сегом дня, как болосовским милом,
Пипшу «любаю» по черноте доски.

Жизнь, как художник, долгими годами
Сгустила черный фон, свой замысел так:
Чтоб безныки твоей на нем изметнулось
Пламя,

Мой лучезарный день — любовь моя!

Перевел Морис ВАКСМАХЕР.

ЛЮБОВЬ

Сначала она была, как река —
горная, бешеная вода,
которая в движении всегда,
которая мчится, белой сысыкова
на слякети возвышенных берегов.

Она была молнией из облаков!
Серебряной молнией, да и прекрасной,
которая времена не подвластна.

Ровной она не была никогда,
и равнодушной она не была,
эта непящая вода.

Адже на мир разгрезнить не могла
Никому отразиться в степе река.
Не признавала она ничего!
Седме обычан мира сего
с гневом она рвала на куски.
Сразу!

Точно так же, наверно,
рвет водопад, что с горы несется,
круглое изображенное солнца,
которое слишком в себе уверено...

Потом она понижке спустилась.
Покончила горы. Стала друтою.

В меленуюю дорогу ступилась,
стала широкой, зрелой рекою.

Со своими соседями очень ровно
переговаривается река.
Теперь отражаются в ней подробно
солнце, деревья и облака.
Теперь уж нарушить она не решается
традиций, которые в ней отражаются...

Правда, случается иногда:
молодость вспоминает вода,
будет извольнованная вода!
Странно нальть по реке тогда.
Она шпырвет на грудь земли
спокойные, грузные корабли,
которые несли неизменно,
как обязанности семейные...

Течет река, раздвинута просторы.
Но вот уже тот поворот, за которым
печальной становится навсего
медленная вода.
Она не годится своему краскою.
Ветер здесь нахмет рыбой и солюю.
Чайки проносятся над волною —
над белою сединою...

И вот уж подходить издалека
к морю, к кодуку своему,
река...

К нему она подойдет, присмирел,
У его берегов укропит свой живн,
Потом в соленой нустаре растет,
вспоминаеманн станет...

Перевел Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

УТЕС

Посередине озера,
Лешиного, белесого,
Нам видневшего ветра,
Как великан, стоит утес.
Он бурями и шквалами и зыбсь
Испомосваня щедро.

И волны, как лакеи,
От роболестины млея,
Плывут вокруг крути,
Постыдно выгугну шпышу,
Утесу-господню
Щедают сапоги.

С рассвета и до полночи
Уже который год
Утес оди, без помощи,
С ветрами бьет идет.
Там сверху равная борьба!
А спину рабская толпа,
Бездальная, озерная,
Готожит над черное:
И гимны распевает
И камень размызвет.

Взглянул на со своих явост
На ластышких волн движенье,
Узнал бы, что ему несется
Их самоуниженье!
Придет вора, наступит миг:
Неожиданно воду всенит,
Резадется Прометеос крик
И снуживать не успеет,
Как великан навсего
Сталотит озерная вода!

Годами с полмичем ветров
Сражалась она напрасно,
Коль приняла смерть от ластышких слов,
От поцелуев рабских.

Перевел Владимир КОРНИЛОВ.

ЦЕЛОВЕКУ ПОВЕРИЛИ

Рисунки В. Пивоварова

— Гражданин Южанников! Расскажите суду, как было дело. Слово «гражданин» оставлю водружить.

Гениадий встал, оглянулся. Все свободные от работы шофера, механики, слесари автотранспортной конторы собрались в красном угуске. Дело было немалое, необычное: судили своего же брата, рабочего, за аварию. Все ждало, что скажет этот рослый, не по годам здоровый парень, как он будет себя вести.

— Погода... — Южанников судорожно глотнул воздух, кинулся в окно. — Сами видите, какал погода.

Мокрый снег хлопьями валил с неба. — А тогда было еще хуже. Нарадили меня во вторую смену возить камень из карьера. До него двадцать пять километров, и все под гололедом. Четверо судьи сидели. Еще, дураком, надо было... Да темно, к ночи мороз прихватил, решил, что не стоит. Сбросил камень и поехал домой...

Говорить было трудно. Он еще раз переживал все слова, было судя за рулем машины. — Холодно. В щели кабины бьет ветер. Пустой грузовик бросает на ледяных ухабах дороги. Свет фар, то упирався в землю, то воздымаясь к небу, не в силах пробить темноту ночи. Он решил прибавить скорость: трести меньше будет, да и домой скорее попадешь. Машина пошла ускоренной. Неожиданно порыв ветра ударил в лобовое стекло. Это длилось секунду, две.

И вдруг перед глазами вырвался капот, сорванный с мотора. Гениадий инстинктивно затормозил. Машина пошла вперед, и в то же мгновение он почувствовал удар. Грузовик с чем-то столкнулся, отскочил в сторону, снова ударился задними колесами и замер. В наступившей тишине были слышны трещанье на ветру капота да виртуозная ругань.

Южанников выскочил из кабины. На обочине дороги стоял грузовик, волею него метался человек.

— Слешой черт, не видел, что ли? — кинулся он навстречу.

— В таком тумане... — растерялся Гениадий и тут же заметил, что у машины не горит стоп-сигнал. — А ты сам-то что думаешь? Без огня едешь!

Генка бросился к своей машине. У нее оказалось помято крыло, лопнула передняя рессора, баял раббит задний мост. Ехать дальше невозможно...

— Вот и все, — кончил свой рассказ Южанников. — Через два дня я машину отремонтировал. Только уж, — он вздохнул, — ездить мне не пришлось.

— Ты, парень, не крути! — Председатель перебрал лежащие перед ним бумаги: докладную диспетчера, акт механика, объяснение самого Южанникова. — Скорость превысил?

— Было такое, — подтвердил Генка.

— Вот то-то. В тумане мы все едим... Садись!

В зале наступила тишина. Охрименко, смущенный новой для него ролью, ломочкал, не зная, что же делать дальше, но потом напелся:

— Кто знает этого человека?

Генка с треволгой ждал этого вопроса. Что скажут о нем товарищи? Работает он в колхозе меньше года, а уже совершил аварию. Правда, его знали, ему помогали: ведь и машину он получил благодаря хозяйству комитета комсомола, секретаря Салги Михайлова. Он поискал глазами — Михайлова в зале не было.

Неожиданно поднялся Юра Леоненко, шофер, комсомолец.

И Южанникова защищать не собралось. Скорость он превысил, правила нарушил, пусть за аварию и отвечает. Только считают, что человека надо рассмат-

ривать, — он помоллся, подписывая слова, — комплексно. Так сказать, от бамера до стоп-сигнала. Бамер свой он, конечно, подал. Вопрос в другом: дорог ему не рубль, а машина и наша контора. Трудится человек по-настоящему. А начальник колонии Окишев этим пользуется. Камень ли возить или еще какое дело, где много не зашибешь, — все так же, как Южанников, поручает. И Генка ни разу не отказался.

Если по совести, то считаю так: на месте начальника в такую погоду да на такую езду я бы человека с третьим классом не отправил. Думать нужно и заботиться о шоферах! Вот и теперь. Сняли парня с машины, оставили без работы, а он не ушел. Через два дня в футбол с пятым участком пошел играть за контору.

— Футбол для удовольствия! — закричал с места Окишев. — Ты его не защищай, ему не впервой на суде-то выступать! Пусть лучше скажет, за что сидит...

Все пропало! Гениадий знал, что такой вопрос будет задан, и все же не был готов к нему. Боюсь встретил взгляд товарищей, он с ужасом подумал, что сейчас Охрименко заставит его говорить о прошлом, выставит на всеобщий позор. Прошло мгновение, другое, но его никто не заставлял выступать. Зал шумел. Невозмож-

но было понять, чего хотят люди. — Я отвечу за Южанникова, — вдруг услышал Генка. Он поднял голову и увидел Юру Замкиина, тнувшего руку.

— Ты, Окишев, брось, — ответил он. — Мы, комсомольцы, знаем, что случилось с Южанниковым. Если хочешь, он тебе сам потом расскажет. Парня нечего попрекать прошлым. Лучше погорим о сегодняшнем. Ты знаешь, на какой машине он ездил?

— «ЗИС» 55-50, — ответил Окишев.

— Это же номер, а машин давно нет. Семь шоферов на том «ЗИС» сменилось, ни один доброго слова о нем не сказал.

— Демагогия! — перебил Окишев. — Ты лучше об аварии скажи.

— О ней и говорить нечего, — уселся Замкиин. — Машина разбита. Пусть теперь суд решат...

Генка видел, как шептался Охрименко с двумя членами суда, сморсал каки-то бумаги, потом выискивал что-то в решении и наконец встал, держа в руках листок.

— Разбирали мы, Южанников, дело твое не по закону, а по совести. По закону тебя судить надо строго. Но парень ты еще молодой и, по всему виду, неспорченный. Потому решение наше такое... Он откашлялся...

Южаникова Геннадия Иннокентьевича, шофера третьего класса, 1942 года рождения, совершившего аварию, с машины снят...
Получить на работу. Без Притвор окончательный и обжалованию не подлежит.
Объявлял переверт. Генка, ничего не вида, вышел в коридор. Его потянули за рукав, и он даже не сообразил ни толком. Без...
— Заехали? — участливо спросил Фиров.

— Ты эти разговоры про... — вдруг вскрип Генка. — Осудили меня. Увиди Видеть никого не хочу.

Какое счастье, что дома никого нет! Он вошел к себе в боковую, прикрыл дверь и, не раздеваясь, бросился на кровать. Отнаглословил, похлопывая по голове: «Что дальше, что дальше? Он вдруг увидел себя веселым и счастливым, вернувшимся теплым летним днем из колонии... Геннадий Южаников прибыл домой! — отразилось оно еще в порогах.

Бирова хват, кинулась на встречу мать, поиская костяки, припадаясь с постели отчим. Гром степенно, как и положено взрослому человеку, обнялся с родными, только маленького Мишку да близнецов Люсю с Вайей поцеловал. При свете лампы бросовая в глаза постаравшаяся мать, еще не поженские сильные руки. Отчим тоже сдал за год.

— Ну, как там? — первым спросил отчим.

— Известно, как... Работали, — ответил Генка.

— А теперь что? — Дальше работать буду, — твердо сказал Геннадий. — И еще успеешь респид, пойдешь в восьмой класс.

— Верно, — согласился отчим. — Видать, «отпуск» тебе впрок пошел.

Отчим был прав. Случившееся было хорошим уроком, и Генка сумел правильно разобраться во всем.

Чувство ожидания чего-то особого, праздничного не покидало его в те дни. Он ходил по родным улицам и не узнавал их: всюду пролегли бетонные дороги. От Адамы до Дорохова круглые ступи деловито сновали новенькие машины самосвалы. На их новых колесах краснели комсомольские значки. Какалось, еще прощше стала шофером? Неожиданная встреча придала ему сил и уверенность.

Видя его остановил вопрос а упор:

— По амнистии или по сроку? Генка задумался и оглянулся: на другой стороне улицы, привалясь к палисаднику, стоял Василий Фиров, сосед и давнишний знакомый.
— А ты как?
Их судили в один день, и Геннадий удивился, увидев парня дома.

— В мои лета не чалят! — примирительно ответил тот, и стало ясно, что он вовсе не хочет сорваться.

— А я по сроку. Отработал свое...

— То ж, с благополучным возвращением.

— С благополучным, — согласился Генка. — А ты куда дома?

— Мать говорит, месяца два кормить, — рассмеялся Фиров.

Геннадий удивился.

— Что так? Никак место не подобрешь?

Фиров сразу стал серьезным.
— Рад бы был, Ген, да всюду отказать... мать, говорят, еще А может, и не потому, а за старое... — Он выразительно махнул рукой. — Кто их разберет! К тому же и специальности у меня нет.

В отговорок незастегнутому полушубку, больших стоптаных ботинок, Фиров, как мальчик-с-пальчик, Генке стало жаль его. Он-то прекрасно знал, что Вася попал под суд случайно, сваявшись со зрелым мужчиной. Вася и в собственном положении и авторитетно поощалял:

— Завтра пойдешь в грошевую колонну заниматься с тобой с собой вожу. Мы еще с тобой посправим!

Но прощаться оказалось не таким простым делом. Когда они пришли в колонну, начальники отпустили на месте не оказалось. Сопроводив Фирова до двора плечами: ницте на территории.

— Примета? Она усмеянулась.

— По наклоне!

Федор Яковлевич Бородой, грузный не по годам, с черными жемчужными глазами и липкими усиками, еще парнем испортил все руки татуировкой. Став взрослым, он стыдился грехов молодости, отчего и держал руки в карманах. Каким-то образом попал на крещенье, что и разговорался он, как шутили шоферы, «ногами». Распекая кого-нибудь и горячая, он с размаху бил ногой по бугеру или стертой покрывке.

Изменно «под торчуху» ногу и попал к нему Южаников с Фировым. Неделю назад колонна получила 30 «МАЗов», и вот теперь Бородой стоял у работного, еще не успевшего потускнеть от непогоды грузовика и отчитывал шофера.

— Возьмите нас на работу... — решился Генка прервать его.

Начальник помолчал, соображая, что это и куда, быстро и ловко сорвал с обонх шапки.

— Из колонны! — Прежде чем Генка успел что-то сообразить, он толкнул головой.

— Не надо! — И снова повернулся к машине.

Внепряд вдруг выскочил Вася.

— Слышь, начальник, — развязно, как в день встречи с Генкой, выкрикнул он, — возьми на работу! Если не примешь, снова воровать пойдешь.

— Уж так и пойдешь... — оторопело сказал Бородой. — Тогда придется взять.

...Мысли перебил стук двери, и тучнее раздался скрип кровати отчима. Мать заговорила вполголоса:

— Дома он... Спит, поудит. Я вот все думаю, Грива: неужели это, что ли, или не жезет приехать парню к другому на всю жизнь хватит, а у него в полтора года уложилось.

— Это мы с тобой, Маша, виноваты, — мгново спустился ответил отчим. — Тогда же угадале, сваялся он с ребятами, и сейчас не помогали. Один он! От дуриных ушел, к добрым не пристра. В комсомол ему надо, чтобы чувствовал, какая она, жизнь. Тогда и при больше будет и человеком себя почувствует.

«Комсомол! — перекричал Генка отчима. — Только я им и нужен. Для полного комплекта —

переговаривать хулиган!» И тут же мелькнула другая мысль: а ведь машину, какую-никакую, добился для него комсомольцы, заступались за него, 게다가 еще же они. Значит, для них он не бывший заключенный, а шофер, человек!

Следующие дни были какими-то бессмысленными. Генка млежничал: не знал, куда идти, куда воду, давал корм корове. Идти куда-нибудь устраивать казалась стыдным. Теперь уж все наверхия знали о его позорном деле. Только иногда в поселок регулярно, еще больше старательно выполняли уроки. Но и сюда, видимо, дошли вести о случившемся.

После уроков его остановил директор.

— Тут больше интересовались. Спрашивали, как утешься, не пропускаешь ли занятия. Что там случилось? Или это вроде какой комсомольской профилактики?

— Кто спрашивал?

— Парень твоих лет. На грузовике с комсомольским значком приезжал.

«Михайлов», — спохватился Генка. — Чего это его в школу занесло?

Он не знал, радоваться или нет. Пожалуй, если директор узнает, что его уволили, то и из школы, чего доброго, исключит. Ведь, как только поступил, надо представлять справку с места работы. Нет, секретарь комитета комсомола не мог приезжать жаловаться. Ничего, кроме хорошего, не видел Генка от этого человека.

Посещение школы Михайловым заставило его встрепенуться. Ведь не собрался же он сидеть без работы! Растерянность первых дней прошла, снова появились уверенность, своих силках. Он принялся искать работу. Но веде повторилось одно и то же. Начальник участка, узнав о последнем месте работы, тнуился и тесно махнул. Следовало ехать Бородою или в отдел кадров, и тон разговора менялся. Место не оказывалось.

Доказывать свою «благодарность» было трудно. Так и получилось, что в поисках работы пришлось обратиться к Южаникову в комитет комсомола.

Михайлов действительно был в школе. Он знал по рассказкам тогда, что произошло тогда на собиан, и ждал, что отступит-вал. Хотя, будь то и весь комитет, ничего бы не изменилось. Бородой высказался ясно и недвусмысленно: «У меня 12 аврий за месяц. Паря с ними кончат. Иного пути, как свадить нару людей с маши, не вижу».

— Так уберу других шоферов, оставь Южаникова. Сам знаешь, какая у него история!

— Для меня он такой же, как и ты, — возразил Бородой. — Мне работа нужна, воспитанелем лгусть комсомол занимаешься.

Впрочем, недаром хвалил Саня начальника конторы. Вот и сейчас он хитро улыбнулся и, загораючи в комитет, сидел, хотя в кабинете никого не было, тихо сказал:

— Есть один вариант. Только уж вместе отвечать придется... В том, что Южаников придет, Саня не сомневался, все же, он увидел Генку, не мог скрыть радостной улыбки.

— Чего улыбаться? — обиделся парен.

— Радуюсь, чудак ты! Ну что, устроился?

— Устроился, — может, и не пришел бы.

— Так... — Михайлов многозначительно помолчал. — Вступай в комсомол...

— Кто, я? — не сразу понял Геннадий.

— Конечно, — как о давно решенном деле подтвердил Саня.

Генке показалось, что он ослышался. Ему, уволенному с работы, бывшему заключенному, предлагают вступить в комсомол! В мыслях снова мелькнула машина с алым значком на стекле, и, поверив в свое счастье, он спросил:

— А кто даст рекомендации?

— Дадим, — твердо пообещал Михайлов. — Тебя ведь многие знают.

Южаникова принимали в комсомол в том самом красном уголке, где проходил общественный суд. В зале сидели люди, с которыми Генка играл в футбол, учились в вечерней школе, участвовали в воскресниках. Словом с тревогой ждал этого прожитого вопроса о своем прошлом, но собравшиеся он, видимо, совсем не волновал. В своем выступлении Южаников сказал:

— Мы знаем тебя как хорошего человека и потому принимаем в свои ряды. Кто за то, чтобы принять Южаникова в комсомол?

Генка взглянул в зал и радостно вздохнул: единогласно...

Так же единодушно комсомольское собрание решило «взять Южаникова на поруки и провести руководство АТК дать ему машину».

***

Так осуществился план, задуманный Хитрым начальником конторы Бородой и комсомольцами. О нем рассказывал мне сам Южаников, когда его новая машина «ЗИЛ» 16-43 с алым значком на стекле совершила один из дальних рейсов.

Л. СТРИЖОВСКИЙ
Наваторская ГРЭС,
Красноярский край.

СУББОТЫ ПОНЕДЕЛЬНИКА

Фото А. Кошачевых

От субботы до понедельника — много это или мало?

— Мало, — скажет один. — И отдохнуть нам следует, не успеваем. Только выспаться успевае да с ребятами в колхоза постучишь.

— От субботы до понедельника? Так это же уйма времени, — возразит другой, — масса интересных дел!

АЛЕКСИН — ЗАВОДСКОЙ КУРОРТ

— Когда приходит время летних отпусков, — рассказывает конструктор Людя Чурочкин, — в заводе наступают горячие времена распределения путевок; многих привлекают красоты Крыма, Кавказа, Прибалтики. С недавних пор у нас появилось и еще одно популярное место отдыха — Алексинский оздоровительный лагерь. Желательно провести там свой отпуск или хотя бы воскресный день множество.

Этот лагерь создали мы, заводские комсомольцы. Место для своего «курорта» облюбовали замечательное — в основном бору, на берегу раздольной, спокойной Оки. Немало воскресников поселили мы тому, чтобы расквитаться, разорвать плоскосты, устроить кухню, подсобные помещения. Наконец палаточный городок принял вполне жилой вид, и туда прибыли первые отдыхающие.

Конечно, обслуживали себя сами. Но разве дело в этом! Лагерная жизнь оказалась по душе многим. В прошлый сезон там побывало 220 рабочих. Путьежка на 12 дней стоила сто рублей. Правда, недорого? А этим летом мы

В самом деле: что можно сделать за это время!

Молодые рабочие Тульского завода самоходных комбайнов рассказывают сегодня о том, как они отдыхают, как физкультура помогает им весело, интересно и с большой пользой для себя проводить время от субботы до понедельника...

добились, чтобы она стала еще дешевле — 75 рублей.

Вообще сейчас в оздоровительном лагере большие перемены. Он рассчитан теперь на 400 жителей. Появились спортплощадки, пристань для лодок. Лагерь будет действовать и зимой: отапливать пять домов на 100 человек — любителей лыж и зимнего туризма.

Те, кто хоть раз побывал в нашем лагере, через некоторое время снова заглядывают в закладки или в комитет комсомола: нет ли путежки в Алексинко...

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ...

— Ну, а по мне, так лучше охоты или рыбалки нет отдыха, — говорит рабочий отдела кадров Михаил Борисов. — Назадом у нас на заводе в этой связи занимается 114 человек — рабочие, инженеры. Даже пенсионеры, которые уже ушли с завода, не теряют с нами связи.

По субботам от заводских ворот отходят машины, плотно набитые людьми с охотничьими ружьями, со спиннингами и удочками. Места у нас под Тулой для этого дела подогданы. Одна машина направляется на тлякую Исту, другая — на вышнююсь меж лесистых

Б. ПРИВАЛОВ Записки оживших

Следы НА БЕТОНЕ

За диспетчером бетонного завода Ниной ухаживали многие. Очень хорошеюшая, живая, веселая, отличный товарищ — разве этого недостаточно, чтобы оправдать душевные страдания и вздохи доброй половины заводских юношей?

Как всегда в таких ситуациях, взаимности добивается один-единственный человек — «Открытые» ведут себя по-разному. Одни продают под свое разбитое сердце философскую базу: «Нужно же кому-нибудь быть неудачником. Другим утешаются тем, что «на Нину свет клином не сошелся». Третьи не сдаются и продолжают сражение за Нинино сердце под девизом: «За любовь нужно бороться до последнего вздоха». Это все, разумеется, не мешает первым, вторым и третьим оставаться

с Ниной в самых дружеских отношениях... Но частенько попадаются какая-нибудь мелкая душпонка, которая начинает мстить. Намекает один такой типчик и на стройке. И вот стали появляться на стенах и заборах надписи, в которых рядом с именем Нины стояло ругательство или оскорбление. Автор их был неуловим, как невидимка.

Безнаказанность, видимо, вдохновила этого деятеля на более крупные «подвиги». Однажды, когда было закончено бетонирование фундамента насосной станции, на следующем, еще неоконченном бетоне появился его очередной «автограф».

Прославившие про поганую надпись бетонищи и увидели Нину. Она сидела на груде досок и цалакала. Утешать ее не стали. Стали думать, как все же изловить подлеца. Железные пруты, которые в бетоне были написаны ругательства, вальсы тут же, как весомое доказательство.

Позвали дружинников, сказали им:

— Делайте что хотите, но если вы и теперь не найдете этого типа, у которого вместо сердца мур, то мы о вашей дружине начнем писать на заборах различные нехорошие слова.

Как искали подлеца — это уже другая история. Но с помощью бетонощиков дружинники его и привели на место преступлений. «Безуловимым» оказался помощник каменщика, известный танцор и

«покоритель сердец» по имени Геннадий.

«Покорителем сердце» никто ничего не сказал. На него даже не смотрели. Наконец бригадир Котас зажег новую сигарету и произнес, кивнув на надпись:

— Смотри! — А к этому времени быстротворяющийся бетон уже окамел. Он готов был выдержать удары стальных таранов, сотен тонн воды, он рассчитан был на долгие века.

Геннадий не тронулся с места. Приказ казался ему фантастическим: стереть с бетона надпись было почти невозможно, ведь именно на это он рассчитывал, когда «звукочева» свое сочинение.

Двое суток Геннадий безотлучно присел на бетоне. Он успел снять только буквы Нинино имени. Наверно, все строители побоялись за это время возмеш фундамента насосной площадки. Затем заспавшего на ходу Геннадий отпустил часа на три спать. Но стыл, оказался сильнее сна: «покоритель сердец» обрал вешу, и, даже не получив расчета, сбегал со строительства.

долов Снежеть, третья — на озера.

Приезжаем на место и разбредаемся по своим любимым уголкам. У секции есть восемь надувных резиновых лодок, две шлюпки с мотором, прибрежье мы спланировали, двухместные и четырехместные палатки, так что нам доступны самые глухие места. А когда под вечер собираемся обратно в город, каждый спешит позавтракать кто пером, кто щучкой или лещом. Конечно, бывает и так, что возвращаешься, как говорится, домой.

Но целый день, проведенный наедине с природой, неизменно охотничьи волнения — разве это не добыча? Ее не положишь в ягдташ или рюкзаки, зато зарада доброты хватает на всю неделю.

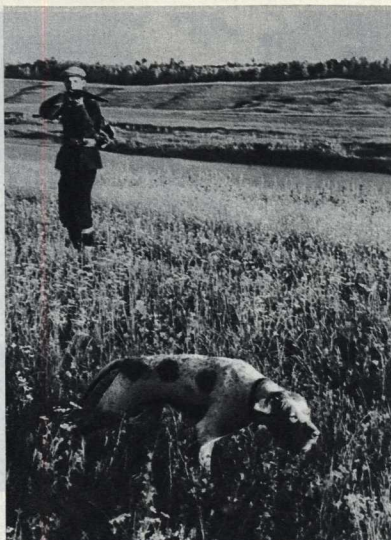
Объект считает, что сидеть с удочкой или бродить с ружьем — дело стариковское. А вот наши заводские ребята признали охоту и рыбную ловлю своими видами спорта. В секции на один десяток молодых охотников и рыболовов. Спросите механика Костю Фролова, токаря Сашу Рылева или же слесаря Толюю Абрамова, как они предпочитают проводить выходные дни? Ответ один — с рюкзаком, с ружьем за спиной...

СЕМИНАР У КОСТРА

А вот у него, конечно, свой взгляд на отдых. Токарь Марк Черный — турист.

— Семинар под ночным небом, на берегу лесного озера, при свете костра — это необычно! В таком семинаре, организованном Тульским клубом туристов, участвовали мы недавно, — с восходящим солнцем на горизонте Черный. — Мы — это инструкторы-общественники по туризму: конструктор Ляда Чурочкина, контролеры Валя Качалина, Рима Горбунцова и я. Все с одного завода.

За два дня прошли по маршруту Тула — Рвы — Ясная Поляна — Тула. Путь небольшой. Но сколько мы узнали интересного! Как выбрать место для стоянки, в считанные минуты поставить палатку,

развести костер под дождем! Этому научишься только в походе.

В нашей секции сто путешественников. Каждую субботу в ближние и дальние маршруты уходят под руководством инструкторов-общественников три-четыре группы. Они посещают старинные усадьбы, живописные места Падской и Тульской области: Поленово, Ясную Поляну, Ломинское, Красивую Мель...

НА ВЕЛОСИПЕДЕ ЛУЧШЕ

— Пешком хорошо, а на велосипеде лучше, — отвечает слесарь Владимир Зайцев. — Я говорю это не только как велосипедист-разрядник, но и как завзятый турист.

Сами посудите, какие преимущества у путешественников на машине. Палатку на баггинки, рюкзаки за спиной... Надоело шоссе, свернувшая на проселок, на самую глухую тропинку.

Одно из воскресений мы провели под Серпуховом. Это в девятидесяти километрах от Тулы. Разве пешему такое расстояние под силу!

У нас на комбайновом большой секция велосипедистов. По вечерам тренируемся на нашем знаменитом тульском трассе. Но в субботу 15—20 спортсменов не изменно меняют трассы машины на дорожки и отправляются в дальний путь...

А как вы, друзья, используете время от субботы до понедельника? Какие интересные дела и занятия вам доступны? Напишите нам об этом.

БЕСПОКОЙЩИ КРУЖОК

— У меня, — сказала директор Дворца культуры, — сорок коллективов. Начиная с народного театра и кончая кружком балладечиков младшего школьного возраста. И все работает хорошо. Никаких жалоб, никаких ЧП. А вот сорок первый кружок — сплошное беспокойство. Двадцать две жалобы. Три комиссии приезжали, расследовали. Нарекания со всех сторон. В городе со мной многие уже знакомы. Вот какие дела! И, кстати, именно этот кружок и признан лучшим. Вот она, взлелеянная, грамота областного масштаба: «Лучшему коллективу Дворца культуры, кружку кулиаров...» Не удивитесь, именно кулиары — наш самый знаменитый и беспокойный кружок... Девчата пришли в комитет комсомола и сказали:

— Скоро замуж выходить, а готовить как следует мы не умеем! Хотим учиться!

Что делать? Отсылали трех по-

варов-пенсионеров, которым вместе лет двести, активисток из застеслауженных жен — по три кулиарных пятилетки у каждой за плечами. Забрали у меня комнату, вот тут, рядом с кабинетом. Поставили там две палаты: одну дровяную, вторую газозовую. Три керосинок, три примуса и два керогаса. Ведь мало ли куда ступаю молодую хозяйку зарысить может! На всем нужно уметь готовить... Продукты привозят с собой. Короче говоря, дым столбом — варят мой хозяйки, жарят, парят. Учиба на полный год. Вот тут-то и началась неприязнь. Ну, жалоба от народного театра или там от сборной по баскетболу не в счет. Это наши родные коллективы, и мы с ними всегда договариваемся. Хотя им из-за кулиарнов трудно приходится. Сами подумайте: проходит хозяйки пашыки или салют домашнее задание по жареным щипцам. Занятия такие по Дворцу бродят, что просто бросай все и обильяй обеденный перерыв. Агтеры роая забывают, баскетболисты делают пятнадцатиминутную паузу, бегут в столовую. Те, кто пососрабительней, — литературный кружок, на-

пример, — те в гости к кулиарнам шагают.

И мы, ясам решил посвятить стпк.

В общем, всем: нужно взаимное поддержать...

Но вот что дальше начинает твориться. Ведь у нас строители в большинстве своем вад-адва начальное кулиарное образование имеют, в объеме меню столовой. А тут довольно много девчат стали в пищу толк понимать. Когда они заходят в столовую пообедать, требуют, чтобы все готовилось по правилам, вкусу. Вызывают повара и разговаривают с ним профессионально, на кулиарном языке. Со мной директора столовых и рестораторов здороваться, у уже годовари, перестали: от стпачку твоих готовить, житья же!

А шеф-повар из заводской столовой даже сюда прибежал, в кабинет, чуть не в драку. Оказываетесь, деушасы мой ему проработку устроили во время обеденного перерыва. А все рабочие их поддерживали:

— Невкусно! Души в борщи нет!

— Какая душа! — кричит шеф-

повар. — Душа в раскладке не значится! Тоже мне, припосы-малякост! Скажите правды: се ты, релку борща выдать, а! Может, заете?

— Ах, вот как! — отвечаю мой стпачку. — У вас душа, оказывается, на граммы меряется!

Мне звонят: уйма своих кулиарнов! А я отвечаю: не могу! Этих сок выпустим, других наберем. Еще хуже вам будет. Так что не престаивайте лучше подобиру-подобиру.

А пока... Принюхайтесь, прошу вас. Каков аромат? То-то. Не единым хлебом жив человек. Он жив и супом, и жарким, и салдами. Как вы думаете, что они сейчас прорабатывают? Точно отгадаи, шпронные. Может, задем, посмотрим? Стпачку — народ гостеприимный...

В. АНДИН

Рассказ

Маленькая станция

Рис. В. Михайлова
и Н. Фильчагиной.

Поезд ушел перед вечером, и почтой Москва с ее огнями была уже далеко позади. Белая лодочка месяца неслась над лесами, спящими мартовским сном; даже во тьме можно было увидеть его державшийся на прогалинах свет; и тогда Маша думала с трепетом о том, что в степях сейчас дуют, наверное, холодные сильные ветры, от которых не укроются.

В вагоне почти все уже спало, только несколько неугомонных играли еще в одном из купе в домино, размахивая с азартом костяшками, но тут же, вспомнив, что вокруг спят, тихою калах их на раскрытую шахматную доску.

Билеты у всех пассажиров были уже отобраны и аккуратно засунуты по номерам в кармачики брезентовой сумки. Трое — муж с женой и маленькой дочкой — оказались до Метлаха, вероятно, семья нижегородца; один из пассажиров — до Юрия; несколько человек, видимо, целая группа, — до Тайшета, а тоненькая робкая девушка, оказавшаяся метеорологом, — до самого конца, до Владивостока, и оттуда еще дальше, до Находки.

Но сейчас вагон спал; сквозь щель опущенной рамы одного из окон в коридоре выветривало табачный дым; напротив двери служебного отделения, металлически потрескивая, оставал стянута, и вторая проводница, которая должна была сменить ее утром, спала.

Маша подыкала крышку сиденья и достала детерминативный портфельчик. В портфельчике были учебник по машиностроению, две хорошие обшере тетради и отпечатанная из ротатора программа занятий для заочников. В программе, кроме текста, были какие-то схемы, и Маша, разглядывая их, задумалась...

Было в этих схемах нечто общее с ее жизнью, которая тоже была только начерчена, ее путь было еще построено. До этого было еще далеко, почти так же далеко, как до той маленькой станции, где поезд простоят всего пять минут, и за эти пять минут они с Павлом должны вытвориться почти на целый месяц вперед, рассказать все, что было в их жизни за минушие три недели.

И поезд пойдет дальше степью, потом тайгой, потом сквозь полосу вечной мерзлоты с сопками и «пыльным» лесом — дерновыми, которые, дойдя хоринды до мерзлоты, начинают клониться в разные стороны и затем валится совсем... А потом будет мост через Амур, еще во амуу в эту пору, и, наконец, голубой Амурский залив — путь, длинный, как целая человеческая жизнь. Маша держала в руках программу, смотрела на схемы и думала также о том, что один из этих ском обживет в свое время под руками Павла, станет каким-нибудь сложным механизмом, и в этом будет частица и ее усилий. Маша, толкая об этом никто никогда не узнает.

Входящая дверь хлопнула, пахнула холодом ночи, и бригадир проводников Тшиков, прохаживший мимо, заглянул в служебное отделение. От его толстого драпового пальто пахло стужей.

— Вот тебе и весна! Градусов пятнадцать мороза, наверно, — сказала он, присаживаясь рядом с Машей на диван. — А ты, Марья, старательная, — добавив бригадир, похваставшись на отработку, он встал.

Маша ничего не ответила, только чуть покраснела. Тшиков был грулым, немолодой, с мясистым лицом, всегда красиво-обветренным. Он посмотрел на девушку, на светлую прядку волос, выбившуюся

из-под беретки, на ее слабоую фигуру в грубоватой суконой куртке.

— Да, наука — дело такое: зубы только точи да точи. А с лета, между прочим, нам скорость прибавят, так что если кому-нибудь на маленькой станции или разъезде сходить, то потопоривайтесь. Тшиков знал, кому вестет она, Маша, книги: он все знал, что делается в поезде; знал и про то, у кого какая судьба.

Тшиков коридоре был отчужденно самовон строгий стук колес. Скоро должна быть большая станция, но пока за окном смутно отмерлялись лыжные поля, снега на них было больше, чем под Москвой, а дальше, наверно, и вовсе еще зима.

Конечно, Тшиков знал, кому вестет она книги, он знал также, что именно для этого она оставала работу чертежница и поступила на железную дорогу проводницей. Поезд от Москвы до Владивостока идет восемь суток; значит, раз в месяц она может увидеть Павла, он работает в совхозе «Заозерный» шестидеять километров. Не всякая маленькая степная станция, на ней нет ничего, кроме нескольких железнодорожных построек и водонапорной, по обе стороны степь, и от станции до совхоза «Заозерный» шестидеять километров. Не всякая бывает полутяная машина, чтобы посвятить к проходящему поезду, и Павел не раз приходила на станцию пешком. Пришел раз в метель, так что едва не сбился с дороги в степи. Было всегда тревожно думать о его жизни, но он учился в институте заочником уже четвертый год, еще через год он кончит, и тогда они обдумают, где жить им дальше, уже вместе.

Потом в поезд поезда бьются огоньки, за ними красные, пара-

щие в воздухе — на невнятной радиомачте, и надвинулась станция. Маша надевала пальто, взяла фонарь и вышла на платформу вагона. Внизу еще ожесточенно стучало, но все реже, шумно вздохнула тормоза, и поезд останавливался у ночного перрона.

На вокзале было пусто, с поездом почти никто не сошел. Только к потяговому вагону, нурина по асфальту, каталась тележка автокара с посылками. Поезд сонно поезда пятнадцать минут и так же сонно, без толчка, двинулась. Стрелок за окошком спускало мимо, еще несколько минут видны были склады, станционные постройки, приземленные стрелочные фонари — фонарики, потом опять потянулось поля. Снегу на них лежало много, как глубокой зимой, хотя была уже половина марта.

Маша вернулась в служебное отделение, сняла пальто и, увесившись поглубже в угол дивана, стала коротать ночь, полузадремывая и то же время прищелкивая бодрству...

Кто-то захотел пить, пришла в полосатой пижаме к читателю и надела воды. Потом мать провела полусонную дочку в уборную, и вагои снова ушла, теперь уже до утра.

Утром Машу сменила вторая проводница, в коридоре запел пылесос, потянувшись в ресторан пассажиры из соседних вагонов, зашумела дверь на платформу. Но хотелось спать, и Маша скоро перестала все это слышать. А когда она выспалась, стоя уже вечер, густой и по-зимнему синий. Река под мостом, по которому проходила поезд, была во амуу, и до весны, казалось, еще совсем далеко...

Ночью поезд медленно одолевала подъемы, мимо шло скляны, поросшие лесом, но теперь уже рукой было подать до маленькой станции.

Тышков, обходивший вагоны, снова заглянула по дороге в служебное отделение.

— За ночь здорово запаздали,— сказала он недовольно.— Теперь будем на стойках экзюмпить, так что учти.— Он не уточнил, что это за видку, но он все хорошо понимал, Тышков...

Теперь после лесов, избегающих на увалы, шли степи; они были бесконечны; сильный ровный свет стоял над ними; март уже побуждал зиму, хотя она еще была быстро и сокращала по ночам сильный столбик термометра до пятидесяти градусов мороза. Но днем вода водочкак лужи уже не замерзала. Они были сини от леба, отраженного в них, и если присядеть у окна лицом к солнцу, то лишь начинает гореть, и кажется, что загораешь...

Поезд, как и предпологал Тышков, пришла на нужную Маше маленькую станцию с опозданием, и теперь вместо положенной пяти минут стоянки он простоял всего три минуты. Поезд еще тормозил, а Павел уже бежал навстречу вагонам, наверно тоже зная, что станция сокращена.

Они стали в служебное отделение рядом, и нужно было за три минуты сказать обо всем, что копилось почти за целый месяц.

— Ты здорово загорел. Смотри, весна обманчивая, сейчас легче всего простудиться,— говорила Маша торопливо.

— Ничего,— сказала она.— Я теперь лужейей, привык. К степи привык, а к тому, что ты бросаешь спокойную работу и метнешся из конца в конец— к этому никогда не привыкну. Два года потеряла из-за меня.

— Почему же из-за тебя? Столько же из-за тебя, сколько из-за себя,— сказала Маша.— Теперь уже недало осталось.

— Да, недало,— усмехнулась она.— Самое трудное вперед.

— Думаешь, экзюмпон не сдвинут?— спросила она.— Это как сейчас? А тогда и в подвешенном состоянии, как роньян... Может быть, меня на третий курс сразу примут, все-таки я прежде училась. А подумай, если бы я не приезжала к тебе, мы бы целых три года, может, не виделись...

— Виделась... Пять минут всего и виделись, а сегодня и вовсе три.

— Разве это мало?— спросила Маша.— Это ужасно много, если хороняко возмущает. Ведь и за эти три минуты минутами за три тысячи километров приехала.

— В общем, да,— сказала она.— С тобой не провадешь. С такой, как ты, не провадешь.

Он снова меховую шапку, его светлые волосы сморщились, и Маша подумала, уж не прошел ли он пешком все шестнадцать километров.

— Ты на попутной добрался?— спросила она.

— Конечно. Впрочем, только с помовины дороги, привалась она.— Да еще часа с вечера забыла извести. Представляешь, если бы я опоздала?

Она достала платочек и вытерла ему лоб: лоб был совсем мокрый.

— Пора кепку надеть,— сказала она.

— Подождем. В степи еще холодно. Сейчас легче всего простудиться. А знаешь, Павалек,— сказала она вдруг.— Мы, наверно, всю жизнь будем вспоминать, как я

стала проводницей, как я хитро придумала... Ведь это все-таки здорово, что мы с тобой хоть раз в месяц, а видимся.

— Пахо, что ты целах два года потеряла.

— Я, может быть, больше нашла, чем потеряла,— сказала она вразумительно.— Все-таки это здорово, что мы хоть раз в месяц а видимся. Тышков говорит, что с нашей частью посылу сократили,— прибавил тогда стоянка на маленьких станциях и вовсе сократят. Придет на пассажирский переходить.

— С тобой не провадешь,— повторил она.— С такой, как ты, не провадешь.

Она вдруг присушалась, уловив какое-то почти не слышимое движение под полом.

— Сейчас тронемся,— затормозилась она.— Вот учебник, который ты просил, и программа из учебной части инстуту. Да, вот еще письма развешивать. Баника какао и печенье московское, свежее. И не забудай только надеть кепку— всему свое время. Слышишь?

— Слышу,— сказала она.

Они поднимались.

— Целах два минуты потеряла... Беда с этим опозданием,— сказала Маша огорченно.— А обратно ночью посылу. Так что только через месяц, может, увидимся снова. Ну, ступай, Павалек, уже тронемся. Если какой-нибудь еще нужен будет учебник, напиши. У меня теперь знакомство в книжном магазине.

— Никогда не забуду, что ты ради меня от столько отказалась,— сказала Павел, идя рядом со ступенчатыми уже движущегося вагона.

— Какие гаустики,— отозвалась Маша сердито.— Какие гаустики! Было все-таки как-то ясно, что она немного помогла, пусть чуть-чуть, но помогла Павалу, только он никогда не должен об этом думать.

Павел снова шло медленно, впитывая запах земли, а там, где земля чернела,— там была весна. Она была близка, она стояла в студеном воздухе, но воздух был, как ключевая вода, и его можно пить, как воду. Пришла вторая проводница, Нюся, и села рядом на диван.

— Такая наша жизнь, Маша,— вздохнула она сочувственно,— нигде и не постоят как следует.

— Это и хорошо, что движешься,— ответила Маша.

Проводница не поняла ее, но не переспросила. Поезд уже набирал скорость, и теперь можно было почувствовать, что и впрямь загораешь, если сесть у окна лицом к солнцу. Потом хаюнула дверь, и Тышков заглянул к проводницам.

— Уж не нет— на стойках выгадывать,— сказала она хмуро.— И спросить не с кого.

Он хорошо понимал, что последние две минуты могут иногда означать для человека целую вечность, если за эти минуты едешь тысячи километров. Но кто и когда высчитал, сколько времени нужно человеку для счастья? Иногда одна минута стоит целого года, а может быть, и десяти лет, а может быть, и целой жизни— так уж устроен человек, и тогда ничего не терпешь во времени, а только находишь...

* ТРАКТОРИСТЫ

Ходят трактор бороздоу
По раздолью,
Пахнут воздух
Черезомом и травой.
Только сонки сморят сонно
На озера,
Без какого бы то ни было
Загора,
Да плавает голубица над головою,
И домой нам уезжать еще не скоро.
Ходят трактор бороздоу
По раздолью.
Широко в открытом поле трактористу,
Пахнут впрямю терпю
Поле жаровое.
Коршо в широком поле трактористу!
Эх, ты, поле, наше поле, наше поле!
А прищипки тоже Поля
— Молодая и бедовая девчонка.
Хорошо пахать весною,
А с подуротою тем бооее,
Пить прохладу
Из жаретого бочонка,
Как горбы вербляков,
Сростисся сонки.
Зеленеют в травях
Трениетные сонки.
Воздух свеж, воздух чист,
Бесобод и тот душит,
Вяжет вонюю рубашку
Для швенцары тракторист.
Тяк ведет за рядом ряд,
Хоть сейчас носом жарю.
Раз провадет— борозда,
Шекаюные ландшафы,
Смотрит Поля навсегда
На парнишку ласково!

Финский домик
На халаской терригории,
Стены досочками тонкими обшиты,
Эти стены греют только по теории.
А в теории бывают и ошибки...
Но весною в этом домике приятно,
В нем не холодно весною и не жарко,
Здесь у Поля, у хозяйки, все открыто,
Дом-то свой,
А не какого-нибудь жакта.
Каждый вечер
Подъезжает к шаловоу
Грузный трактор,
Не чужой, персональный,
Им двоим другой мышьяк и не надо
В стороне от нас далекой, но не дальней.

А когда
Уйдут часы за полночь,
Николай Помяну уедет
В зарытый пропавший поле,
Где грядками темная клетка,
И пуская давно они женаты,
Поле вечно тишет и зовет,
Вот поэтому и пахнет мятой
Молодой, задрюствый жарю.
Пусть они не высчитают, не страшно,
Утро снова их отправит в путь,
В путь, где только широта да широта,
В путь, где дышит широтою грудь.

СЕРДЦА, ОТ ДАННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

— У меня нет патронов. Дай мне, пожалуйста.

Шульный парнишка в поношенной куртке заряжает револьвер и прячет его в задний карман давно не глаженых брюк.

В комнате шумно. У печатника Педро Фернандеса собралась его дружка — молодые рабочие. Все они, как и сам Педро, — члены Союза социалистической молодежи, кубинского комсомола.

Все в сборе? Пошли...

Гурабой ребята выходят на улицу. Их встречает мирный гавайский вечер — жаркий, ленивый, шумящий голосами прайдных гуляк. Работные пары и засученными рукавами идут в сторону католического университета «Вилья Нуэва». Они узнали, что реакционная организация «Католическая молодежь» амфишилет провокационную манифестацию против революционных преобразований правительства Фиделя Кастро. Им надо дать отпор увесистым рабочим кулакам. На всякий случай ребята прихватили с собой оружие: куда это отрябе решится прибегнуть к доводам силовых нуэл?

Вот так же решительно шли навстречу любой опасности предшественники поколения кубинских комсомольцев. Тридцать два года назад на Кубе была создана первая комсомольская организация — «Коммунистическая молодежь-амфишилет лига». Педро Фернандес и его товарищи — наследники славы кубинских комсомольцев, кровью плативших за верность своим идеалам.

В черной семилетней период батистовской тирании члены Союза социалистической молодежи доказали, что они достойны героических предшественников. Комсомольцы в рядах Повстанческой армии сражались в горах, развернули широкую подпольную деятельность против кровавого диктатора.

Да только ли молодые социалисты! За немногим исключением, все юное поколение Кубинской Республики горячо поддерживает революцию. Поэтому руководители дивизии «Движения 26 июля» — революционной организации, возглавляемой премьер-министром Фиделем Кастро, — считают, что настало время объединить прогрессивную молодежь страны. Делегаты съездившегося не так давно IV Национального конгресса Союза социалистической молодежи высказались в поддержку этой идеи.

Вот же может, в единую молодежную организацию перестает недавно основанная «Ассоциация молодых повстанцев»? Девушка со странной для кубинки именем Норка (так называли ее родители, больше друзья Советского Союза), Норка Эскаланте провела время как-то раз в гавайский капиталой на собрание членов ассоциации.

Здание капиталой — величественное, внушительное — издавна привыкло к чопорной тишине и порядку. А тут — окна распахнуты настежь, свежий ветер гуляет по залам, под высокими сводами звенят юные голоса. Там, где раньше восседали продажные батистовские сенаторы, — молодежь. В высоком предсательском кресле — майор Повстанческой армии «Че» Гевара, один из руководителей борьбы за свержение диктатора, знаменитый «Че», прозванный так потому, что он, аргентинец по рождению, часто употребляет в своей речи характерное для аргентинцев, но непривычное для кубинского уха восклицание «Че!» — «Ой, послушай!».

«Ассоциация молодых повстанцев» создана недавно, но уже сейчас можно смело сказать — это массовая и быстро растущая организация прогрессивной молодежи Кубы. Повстанческая армия вышла над ней шефство. «Молодые повстанцы» — подростки, юноши и девушки — будут получать политическое воспитание в революционном духе, готовиться и защитить родины от возможной агрессии американских империалистов. Они обязаны помогать правительству в проведении аграрной реформы и в любом деле, означающем развитие революции.

Мы пришли в капиталой, когда собрание ассоциации уже началось. Зал был полон. На трибуне — Эрнесто Гевара. Ворот его рубашки расстегнут. Из-под берета падают на плечи длинные пряди прямых черных волос. Он кладет руку на плечо молодого парня в форме офицера Повстанческой армии. Это председатель «Ассоциации молодых повстанцев» Джозель Иглесиа, восемнадцатилетний майор. В горах Сьерра-Маэстра Иглесиа был ранен в горло. Ему трудно говорить громко. Поэтому-то вступительное слово на заседании и проносятся «Че» Гевара. Пользуясь случаем, бывший командир Джозель рассказывает «молодым повстанцам» о космомадгитетизме предателя ассоциации.

Джозель родился в маленьком поселке Сан Луис вблизи второго по величине кубинского города Сантьяго-де-Куба. Большая крестьянская семья — у него девять братьев и сестер — перебивалась с хлеба на воду. Полуголодное существование, самоуправство местного помещика, наглые выходы полицейских — вот воспоминания детства Джозеля.

В 1957 году батистовцы арестовали отца Джозеля, узнав о его связях с подпольщиками. Мальчик решил вступить в партизанский отряд. На рассвете, пахнущем росой, трое юношей утонули в лесные горы, — Джозель и двое его друзей. В начале мая, после многочисленных блужданий, голодные и уставые, они выжили на переводе отряд Фиделя Кастро.

— Юноша, вы слишком молоды, чтобы воевать, — сказал Фидель Кастро, прикоснувшись к щеке Джозеля, разглядывая вгляду рослого и слабого мальчика — Джозеля. — Боюсь, что мы не сможем принять вас в отряд.

У входа в землянку на деревянном чурбаче сидел Гевара. Джозель подметил сочувственный взгляд его митки, на темно-коричневом бархате, глаза.

К концу дня, когда тропическая ночь черной ладонью накрыла маленький лагерь повстанцев в горах, мальчик, учувив момент, атаковал Гевара: «Ну разрешите остаться здесь, я буду делать что угодно; колоть кровь, носить воду, готовить еду...» — и добился своего! «Че» угворил Фиделя Кастро принять Джозеля в отряд.

В конце 1957 года Джозель получил первое ранение в руку и ногу. Шесть месяцев он провел в полевом партизанском госпитале. На другой день после того, как его доставили в госпиталь, батистовцы начали генеральное наступление, бывавшее, что насаждала погочитач с повстанцами. С боями отходили партизаны в труднодоступные районы Сьерра-Маэстра. Джозель, помнящий героическое сознание от большой потери крови, несся на носилках по крутым горным тропам.

Молодой организм выдержал все испытания. Джозель выздоровел. А когда он вернулся в отряд, его назначили лейтенантом: ведь он был теперь ветераном. Ему под командование дали роту новичков, вчерашних крестьян, недавно завязавших за оружие. Все они были по возрасту старше своего командира.

И снова бои, снова ранения, дым походных костров, полуоблачный партизанский лагерь, проданные тропические дожди. Семнадцать лет было Джозелью, когда революция победила. Семнадцатилетний Джозель уже был майором.

Молодые повстанцы! — говорил в капиталой Гевара. — Следуйте примеру своего предшателя, будьте всегда в первых рядах борцов против империализма и остатков феодализма!

Когда собрание ассоциации закончилось, хор Повстанческой армии выстроился в центре зала и запел гимн «Движения 26 июля»:

«Вперед, кубинцы! Кубе вознаградит нас за наш героизм!»

Мы солдаты, и мы освободим нашу родину!

Сотни голосов подхватывают эти слова. Под звуки гимна юноши и девушки выходят на улицу, выстраиваются в колонны. Короткая «барбакина» дробь — и торжественный марш молодежи по улицам Гаваны начался!

Гавана.

В. МАШКИН

Время у нас героическое, такое, что хочется быть достойным его. Советский народ совершает дела, потрясающие воображение всех современников: он построил социалистическое общество, разгромил фашизм, за одну пятнадцатую восстановил разрушенную войной страну, запустил в небо спутники. Но каждый из нас порою думает: да, да, это великолепно, грандиозно, но это сделал не я, а мой народ. А что же я? И человек, особенно если ему двадцать лет, хочет действовать — сейчас, теперь, немедленно! Поколение, которому двадцать лет, воспитано на героических примерах жизни своих дедов и отцов. Героика передается у нас, как эстафета, она воспитывает миллионы сердец.

Новые города, заводы, электростанции... Построит их человек, увидит результат своего труда, удивится: это же действительно подвиг!

Но вот понять, почувствовать героизм повседневном, будничном и подчас нелегком труде далеко не всякому.

И живет двадцатилетний человек в городе, построенном его отцом, работает на новом заводе токарем или фрезеровщиком, по вечерам учится, выполняет комсомольские поручения, но не чувствует он во всем этом героики, и не гаснет в его душе мечта о подвиге, о чем-то большем, героическом.

А рядом отважная четверка победает океан, славные ракетчики сбивают врага... Но в твоей жизни еще нет ни будущего океана, который хочешь победить 1968, ни бездонного неба, где притаился враг.

В тебе растет сознание, что ты обязан совершить подвиг, что он ждет именно тебя. А для этого нужны сила воли, выдержка, мужество. И ты воспитываешь их по-разному. Но всегда с риском. Чтобы «проверить свой характер», а иногда просто чтобы «показать» друзьям, на что способен, иной чудак ложится между рельсами под махищами поезда или бросается с Крымского моста в Москву-реку, или один пропивает в под-

ке семсот километров по бурному Амуру.

Я понимаю, что это сумасшедшая шалость, граничащая с глупостью, которая часто дорого обходится самому герою и окружающим. Но есть и другая сторона этого вопроса.

Недавно я побывал на Черноморском побережье. Меня поразили красивые флажки, полнотканые в море на расстоянии тридцати метров от берега. Целый ряд «спасателей», курсирующих по подкап, не дает пловцам пересечь границу дозволенного, неизвестно кем и когда определенной.

Глядя на эти флажки, я вспоминаю поучительный случай. Во время одного десанта дел в выцелим тонущего солдата. Я спросил его, где он жил, что не научился плавать. Оказалось, что 22 года тот прожил в Киеве, на Днепре!

Сколько людей погубила эти дурные флажки, когда в войну приходилось преодолевать водные преграды! Вот тут-то и задумываешься: а может быть, иногда и стоит рисковать, стоит иногда пересечь черту дозволенного!

Откровенно говоря, я понимаю и даже в некоторых случаях принимаю рискованные поступки в них проявляется характер будущего бестрашного героя. А в настоящем он ждет подвига и готовит себя к нему. Так что же такое подвиг и как к нему идти?

Замечательный наш писатель Леонид Леонов сказал как-то, что подвиг, как и талант, сокращает путь к цели. Действительно, подвиг — это как вырыв вперед, это концентрированное выражение воли. Но ведь подвиги бывают разные. Есть такие, которые требовали от человека мгновенного решения, риска, ставящего под угрозу его жизнь, вставшего между собой жизнью и смертью. Возникли, к примеру, подвиги Николая Гастелло, Александра Матросова. Есть же такие, о которых говорят: жизнь — подвиг. Это значит: всю свою жизнь человек подчинил какой-то одной, главной цели и боролся за нее, не отступая. Ярчайший пример тому — жизнь Владимира Ильича Ленина.

Ты молод, ты вступаешь в жизнь, тебе должен быть ее хозяином. Выбери себе цель, но такую, чтобы была она нужной людям. И иди к ней. И характер своего своим поступком проверяя эту меру.

На заре нашей юности мы восхищались потрясающей революционной биографией М. В. Фрунзе. Находясь в тюрьме, накануне смертной казни Фрунзе изучил английский язык в надежде, что он ему еще понадобится. А из тюрьмы убежал! Постине он знал «одну, но пламенную страсть!» До сих пор помню слова Николая Ильича: «Сильнейшие, читаемые лет тридцать пять назад: «МЫ, смертники, обыкновенно не спали до пяти часов утра, прислушиваясь к каждому шороху. Это были трагические часы. В это время на глазах всех уводили аэшат. От споконных зорварей услышшь слова: «Прощай, жизнь!» (Света, прощай!». Дальше зvon цепей и кандалов делавется все тише и тише. Потом заскрипит железная дверь тюрьмы, и все стихнет. Сидят ребята и гадают: «Чья же очередь завтра ночью? Вот уже пятого уелив. Слез было немного».

Я напоминаю эти строки затем, чтобы молодежь знала революционная борьба наших отцов требовала от них огромного и постоянного героизма.

А какие поистине легендарные подвиги совершали советские люди на фронте и в тылу во время Великой Отечественной войны! В те героические годы военные части в торжественном строю принимали клятву, выражавшую их чувства.

«Идя в бой, мы даем клятву Родине в том, что будем действовать храбро и смело, не щадя своей жизни, ради победы над врагом!»

Волю свою, силы свои и кровь свою, капля за каплей, мы отдадим за жизнь и счастье нашего народа, а на своем месте оставим горную родину Родину. Нашим законом есть и будет движение только вперед! Мы победим!»

Коммунисты и комсомольцы хранили текст этой клятвы у самого сердца, в партийных и комсомольских билетах. Многие посылали собственноручно переписанный текст клятвы матерям, женам, невесткам как подтверждение своего твердого решения выполнить боевую присягу Родине.

Молодежь должна знать и помнить, что в самый трудный период войны, во втором полугодии 1942 года, в партию вступило 640 тысяч военнослушающих. Став коммунистами, солдат выходил в бой ради победы. Он знал, какую ответственность берет на себя. При наступлении латорг скажет ему: ты коммунист, ты обязан первым выскочить из траншеи и повести за собой бойца. И он выскочил и вел, как и делало до него, а весь огонь враг сосредоточивал на ведущих. Сколько было боев и как часто ведущие погибали, и все они, как правило, были коммунистами!

Многие народы в борьбе ушли в историю, потому что не умели унаследовать героизму у советских людей.

Я листаю свою записную книжку с пометками, сделанными в Корею во время корейско-американской войны. В книжке много имен, которых нельзя забыть. Те Ок Хи — Герой Корейской Народно-Демократической Республики — девушка, умершая безбашно,

как Зоя Космодемьянская. Китайский народный доброволец Зуан Цан-гуан, сознательно повторивший подвиг Александра Матросова, ибо он читал об этом русском книгу и видел художественный фильм, который потряс его до глубины души.

У меня сохранилась маленькая фотография киношника, почти мальчишка — Ын Сан Дина. 9 января 1953 года во время шторма высоты 566,7 он тоже повторил подвиг Матросова. Одинадцать пуль прозили его грудь, но герой остался жив, его спасли корейские медики. Это — лучшее доказательство той истине, что только сильный характер может породить другой сильный характер.

Довольно часто киноши и девушки задают вопросы людям, отличившимся на войне: как стать героем, можно ли приобрести такие качества, как отвага и мужество, стойкость и выдержка, решительность и настойчивость; можно ли воспитывать волю и как это делать?

Сильная воля не врожденное качество человека, ее можно и нужно воспитывать.

Воля — это умение, напряжение физических, нравственных сил, близкая энергия, упорство в действии. Но не надо забывать, что воля в то же время требует выдержки, умения сдерживать себя, когда это необходимо.

Воля — это способность человека управлять своим поведением, своими поступками, умение преодолевать трудности, умение с наименьшей затратой сил выполнить поставленное задание. Волевыми качествами не обладают на полпути, не бросит незаконченными начатое дело.

Человек сильной воли отличается высокой организованностью, дисциплинирован, с толком использует свое время. Алексей Маресьев говорил мне, что, работая токарем на заводе в Комсомольске-на-Амуре, он не допустил ни одного прогугла, ни одного опоздания на работу.

«Привнеси в свое отношение к себе», — писал А. С. Макаренко.

Для воспитания воли полезно вести дневник. Записи в тетрадь свои поступки, действия, мысли. Дневник поможет тебе увидеть слаботы. Введи для себя правило: ежедневно с маршальком в руках прочитывать несколько страниц произведений Маркса, Энгельса, Ленина. Изучай выступления Н. С. Хрущева, документируй историю парвельской программы ты будешь делать свои первые шаги в нашем советском, таком большом и ослепительном мире.

Важно оставить перед собой определенную задачу, например, никогда не выкурить ни одной папиросы, не написать пьяным, делать зарядку.

В жизни множество возможностей для воспитания воли и закалки характера. Будни нашего времени насыщены паросом мужества. Каждый день приносит известия о героических делах. Один отличился в труде, другой бросился в воду, чтобы спасти проваливающихся под лед людей, третий отдал свою жизнь, четвертый — и все это совершают обыкновенные советские люди.

ТАКАЯ, КАК

1 У Вали ответственный момент. Пройдет день, другой, и эти станки отправятся в путь: на север, на восток, на запад. Идет последняя проверка: заказчики должны получить продукцию только отличного качества.

2 Свежая газета — неперемный спутник культорга.

3 Почему мало билетов дали на наш цех? Игорь Лещин, секретарь комитета ВЛКСМ, доказывает, что больше выддать нельзя. Но по всему видно: Вали своего добьется. Такой уж характер у нее...

4 Вот это новш! Значит, скоро еще одним пустырем меньше станет. Интересно, что здесь будет: дом, сивер, а может быть, спортивная площадка?

5 А к этому снимку, наверное, не надо объяснения.

6 Друзья спешат в театр...

7 — Не забудь: в девять у Курского...

В СЕ

О девушке, которую вы видите на этих фотографиях, поведу, нельзя еще сказать: «герой труда» или «знатный новатор производства». За свою двадцатичетырехлетнюю жизнь Валя Балабанова не совершила еще ничего героического. На московском заводе «Красный пролетарин», да и не только на этом предприятии, трудятся сотни таких же веселых, жизнерадостных, общительных девиц. Валя Балабанова — одна из многих, она такая, как все. Ее судьба — это Судьба миллионов ее подруг и сверстниц. Школа, затем среднее техническое учебное заведение, и вот уже три года мелькает ее звонкий смех, слышатся ее звонкий голос в цехах завода «Красный пролетарин».

Работает Валя в малярном цехе, но знает ее и в соседних. Да и как не знать! Попробуйте пройти вместе с ней по заводу, и все станет яснее.

— Балабанова, — кричит ей белообрый парень, — как там идет билетик?

— Есть, есть! Заходи в обеденный перерыв.

Валя — культорг. На ней лежит важная общественная обязанность — помогать товарищам весело и с пользой проводить досуг.

— Валоша, — останавливают ее «накнито» девчата, — нам придти к тебе на тренировку?

— Да, да, обязательно! Соревнования-то уже на носу! Валя — спортсменка. Занимается легкой атлетикой. А уже такая у нее натура: если чем-то увлеклась сама, значит, и подруг увлечет.

— Эй, курносая! — радостно чей-то голос. Это со второго этажа кричит рабочий в комбинезоне. — В субботу, значит, едем!

— Точно, — откликается Валя, — не забудь только, как в прошлый раз, мяч захватить! Это уже два туристских. По субботам завсегдние любители этого увлекательного вида отдыха отправляются в путь по Подмосковью.

— Все! — спрасите вы. Нет, далеко не все. Именно Валя решила поступить в химико-технологический институт. Для тех (а таких очень много на заводе), кто стремится продолжать учебу, на «Красном пролетарине» созданы подготовительные курсы. Валя — одна из слушательниц этих курсов.

Ну, и самое главное — это, конечно, работа. Токарно-инструментальные станки, которые проходят через руки Вали и ее подруг, знают почти во всех уголках нашей страны и за ее пределами: в Китае, США, Англии, Индии, ГДР.

На первый взгляд кажется, и не очень великое это дело — окраска станков. Но Валя и ее товарищи по цеху думают так: «Станок должен славиться не только своими техническими возможностями, но и радовать глаз рабочего человека».

Наверно, поэтому в библиотечном формуляре Балабановой рядом с Драйзером и Милановскими соседствуют Ланокрасочные покрытия.

Такова Валя Балабанова, комсомолка, технолог, спортсменка, культорг — всего и не перечислишь.

— Как же это вы всюду успеваете? — спросили вы девушку.

— Не помню уж что, кажется, это Чеков сказал, — ответила Валя, — что если хочешь не иметь свободного времени, ничего не делай. Надо просто уметь ценить время, и тогда все успеешь. И ведь не исключение. У нас на заводе почти все мнут так...

Марево жаркого летнего дня повисло над Пиреем, морскими воротами Афин. Недвижная гладь моря в радужных патинах нефти и раскаленное, будто застывшее в небо, солнце. Пустынно в этот час на улицах. Только разноцветные автобусы с туристами и охристыми гидами проносятся мимо.

Тяжело в это время рыть траншею для труб. Сухая, каменистая земля поддается с большим трудом.

Внезапно жало пневматического молотка, отвалив большую глыбу, провалилось в пустоту. Земля и мелкие камни оселились в дыру, и там что-то глухо зазеленело...

Рабочий нагнулся и разгреб землю... Из темноты провада и яркому небу и солнцу ткнулись руки... Да, руки, человеческие руки, странного зеленоватого цвета...

Так летом 1959 года были обнаружены бесценные сокровища искусства древней Эллады, скрывавшиеся более двадцати веков под слоем серой, каменной пирейской земли.

Раскопки продолжались недолго, всего неделю. И все это время огромная толпа народа с захватывающим интересом следила за работой археологов. Одна за другой извлекались бронзовые фигуры, покрытые зеленоватым налетом окиси, мраморные плиты, облепленные корой натеков. Были найдены четыре бронзовых статуи, одна мраморная скульптура, две мраморных стелы — каменные плиты с рельефами — и бронзовая маска (возможно, она являлась эмблемой одного из афинских театров) — уникальные творения замечательных мастеров древности, относящиеся к VI—IV векам до нашей эры.

Наибольшую историческую и художественную ценность представляет фигура юноши, ивалянина в VI веке до нашей эры. Голова скульптуры трактована обобщенно, как это свойственно молодому искусству периода архаики: строго стилизованная симметрия головы, отсутствие индивидуальных черт лица. Прекрасны пропорции фигуры, тело формовано очень мягко, плавно и чудесно передает гармонично развитую мускулатуру.

Ученые считают эту скульптуру самым древним бронзовым изображением человека, найденным на территории Эллады.

Три бронзовых женских фигуры принадлежат к периоду расцвета древнегреческого искусства.

Прекрасна и совершенна бронзовая статуя богини Афины в

босом шлеме, украшенном рельефами традиционных сов и щербов. В руках Афины нет оружия, правая рука ее в изысканном движении протягивает вперед мирный, приглашающий жестом. Лицо спокойно, даже задумчиво...

Полагают, что это произведение создано скульптором Кефисодотом (V—IV века до нашей эры) или каким-нибудь другим учеником гонимых вавилоня Древы Грешни Праскителла.

Другая фигура, относящаяся примерно к середине IV века до нашей эры, — обязательный образ юной деушки. Во время раскопок статуя несколько пострадала: отпала одна рука и утерян кусок инкрустации левого глаза. Но это можно восстановить. В остальном же сохранность фигуры вполне удовлетворительная. Манера исполнения скульптуры говорит о близости ее творца к школе Праскителла.

Третья скульптура — изображение богини Артемиды — наиболее поздняя. Она создана в IV веке до нашей эры и нест на себе заметные следы эллинистических влияний. Это прекрасное произведение, отмеченное печатью высокого мастерства автора, особенно сильно пострадало от времени: обе руки статуи отбиты. Тем не менее скульптура Артемиды поражает своей строгой красотой.

Среди произведений, выполненных в мраморе, статуя богини Деметры является особенно интересной. Обращает на себя внимание поразительно тонкая лепка лица богини. От всей статуи веет величавым покоем.

Обе стелы Гермеса — копии знаменитого «бородатого Гермеса» известного ваятеля древности Алкамена, ученика Фидия (V век до нашей эры), видимо, вышли из его же мастерской.

Как же все эти сокровища, разные по времени и стилю, попали в одно место? Кто их собрал и зачем?

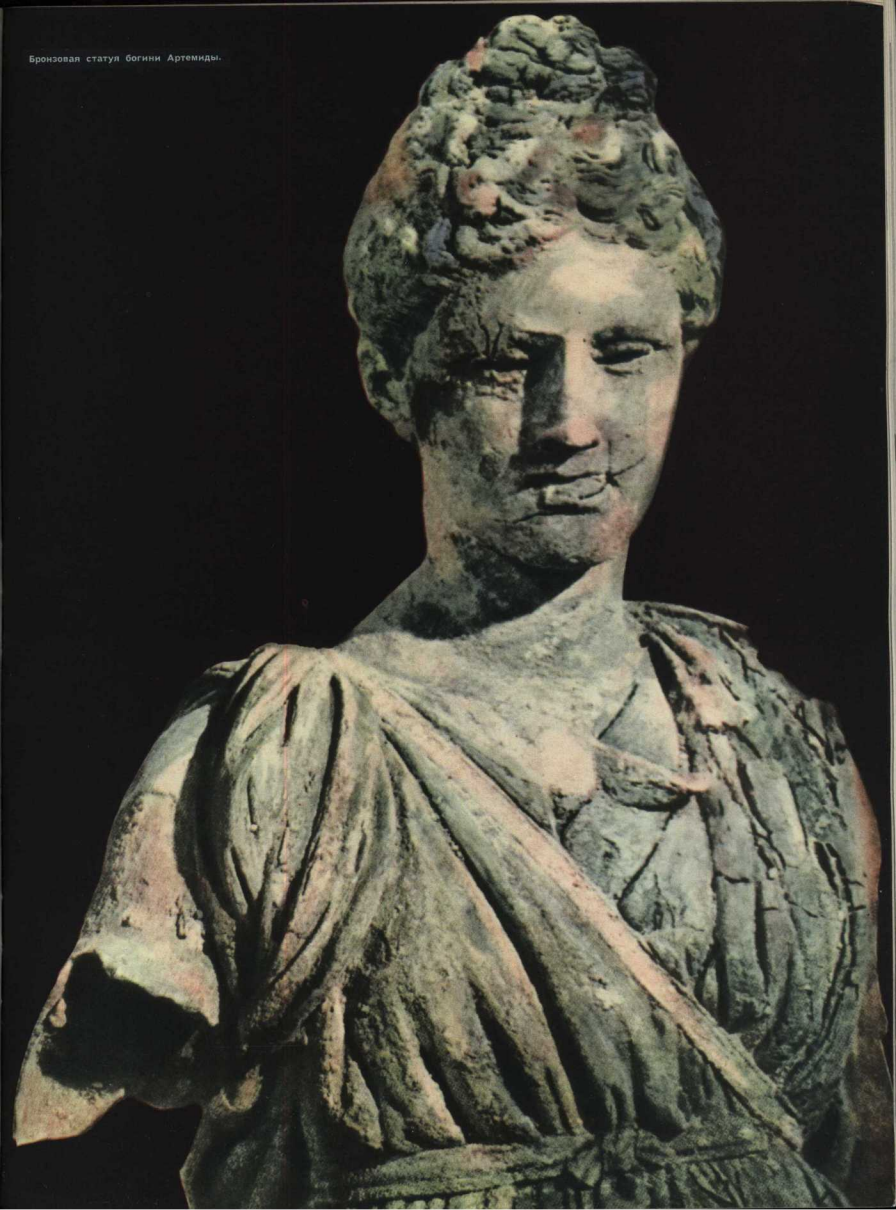
Некоторые данные, обнаруженные на месте находки, позволяют предполагать, что все найденное было предназначено для отправки из Пирейского порта войсками римского диктатора Суллы (86 год до нашей эры). Но пожар, вспыхнувший во время нападения на Афины и Пирей, уничтожил склад, и скульптуры оказались погребенными под развалинами.

Сейчас эти сокровища древнегреческого искусства хранятся в археологическом музее Пирея, ожидая тщательной реставрации и изучения.

Ю. СВАРИЧОВСКИЙ

ДВАДЦАТЬ ВЕКОВ ТОВА МОСТОВЫМИ ПИРЕЯ

Бронзовая статуя богини Артемиды.

Д. Веласкес. Завтрак.

МОСКВА,
"МЕНЕ"

Дорогая редакция!
По просьбе читателей библиотеки ремесленного училища № 52 прошу вас рассказать о художнике Веласкесе. Почему для нас ценно его творчество, какие его картины особенно замечательны?
Заведующая библиотекой Е. ДУБОВА.
Поселок Мичуринское,
Ленинградская область.

...Человек идет ослушко, он стучит по тротуару палкой и беспомощно осязывается. У перекрестков; за темными очками — невнятные глаза. Его переводят через улицы, и снова слышится легкое постукивание по асфальту. Как много знает глаза для человека! Четыре пятых всех впечатлений получает он через них. Не зря говорят, что «свой глаз лучше родного брата». И ближе брата стал бы слепому тот, кто вернул бы ему хотя часть зрения.

Решить это, казалось бы, невозможную задачу взялся советский оптик доктор технических наук Николай Адамович Валос. Но с самого начала его поиски пошли по необычному направлению. Можно ли «видеть» с помощью других чувств, спросил он себя, иными словами, вернуть слепому зрению, не возвращая глаз? Нельзя ли передать функции глаза кошке? Ведь и отсюда в мозг непрерывно идут различные ощущения. А мозг после долгой тренировки способен превращать их в образы, картины. Ведь читают слепые ослушко... Это и натолкнуло ученого на мысль, что осязание может передавать в человеческий мозг и сигналы света.

Но глаза видят далеко, а кожа чувствует лишь прикосновения. Поэтому, рассуждал Н. А. Валос, ее нужно сделать «дальнозоркой». И тут ученые обратились к помощи физики. Глаз — это прежде всего оптический прибор, жилой пробрал фотоаппарат. И камера величиной со спичечный коробок, с объективом, с автоматической диафрагмой, стала первым звеном в его эксперименте.

Следующий шаг был труднее. Сетчатка глаза преобразует световой луч в нервный импульс, бегающий к мозгу. Чем заменить ее? Превратить световой сигнал в электрический помогил фотоэлемент. Изобретя расположенных в фокусе объектива, как пчелиные соты. Падающая световидящую мозаику, лучи выбивают из нее электроны и возбуждают ток. Яче свет — сильное токи.

Но мозг не приспособлен к приему электрических сигналов прямо с фотоэлемента, а зрительный нерв отмирает в первые же

недели после потери глаза. Луч остановился на пороге заетной цели. Чтобы передать его по назначению, нужно было найти другой путь. Ученый и задумал проложить этот путь по чувствительным нервам кошки лба. Им он решил поручить самый трудный этап световой — доставку сигнала к нервным центрам.

Так посланник звеном этой цепи оказался легкий шарик. Он играет роль связного между фотоэлементом и кожей лба. Такие шарик вложили в каждую трубочку стевляных сот, на конце которой имеется металлическая пробка. Она притягивает шарик к себе и, отдав накопленное электричество, отталкивает его прочь. Он отскакивает от нее тем быстрее, чем больше заряд, тем сильнее луч, вызвавший поток электронов. По силе и частоте ударов по поверхности кожи множества колеблющихся шариков слепой сможет представить себе окружающую действительность с достаточной четкостью. Произойдет это, конечно, не сразу, а лишь после того, как мозг посредством осязания научится воспринимать образы, пространственные расположения вещей.

«Светозаступательная» кожка заменит слепому сетчатку глаза. С ее помощью он, возможно, да-

же станет читать. Расчет здесь прост: шарик будет колебаться только в тех трубочках, куда упадет свет, отраженный буквами; бинение шариков создаст на лбу их точную проекцию. Осызая его, слепой по складам составит слова, фразы, вернется в мир печатного слова.

Вооруженный таким прибором, он стает в некотором смысле зорче зрячего. Ведь око человеческое весьма несовершенно. Обнаружил физолог Гельмгольц, обнаружил в нем так много пороков, что в горести воскликнул: «Если бы глаз человека принесли из мастерской, я вернул бы его для переделки». Шутка оказалась пророческой. Теперь «глаз на заказ» — реальное изобретение, пробающее себе дорогу среди множества технических новинок.

Инфракрасные и ультрафиолетовые лучи находятся за порогом нашего зрения. Но в искусственном глазу можно применить фотосенсибилизаторы, позволяющие и усилить световые волны самого различного спектра. Тогда слепой будет беспрепятственно ориентироваться ночью, увидит неирисом. А глаз у него может быть где угодно, хоть на затылке. Я рассказал суть дела. Но есть у него, к сожалению, и обратная, как говорят, теневая сторона.

Профессор Валос разработал свою идею до мельчайших подробностей. Чтобы вернуть слепому зрение, изобретатель мобилзовал всю гамму человеческих чувств, но не учел лишь одиоравноводия.

Нет, открытия никто не оспаривал. Его одобрили крупные ученые — оптики и физиологи. Комитет по делам открытий и изобретений при Совете Министров СССР выдал Н. А. Валосу авторское свидетельство.

Но для реализации изобретения требовались дополнительные опыты. Работа остановилась, когда дело вплотную подошло к тонкой обработке деталей прибора. Открытие переросло кустарный метод, которым оно до сих пор совершается.

Стало ясно, что одному с этим не справиться. И Валос, создавший к тому времени упрощенную конструкцию, обратился в Академию медицинских наук СССР. Там-то уж наверняка поймут значение аппарата и помогут довести работу до конца... Однако здесь, к сожалению, изобретатель, кроме одобрительных отзывов, ничего не добился.

Тогда он пошел во Всесоюзный научно-исследовательский институт медицинского инструментария и оборудования. Здесь прием был ошуче: «Глаз. Искусственный! Кому он нужен?! Вы бы лучше палку изобрели для слепых, такто, чтоб шоферам легче узнать их было... сразу возьмем в серийное производство».

Институт экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов по-настоящему хотел помочь изобретателю. Но тут, как грек, ученый совет Министрства здравоохранения СССР пердал все дело протезированию органов социального обеспечения. А в Центральном институте экспертизы и трудозащиты инивалды открыто признались, что подобными приборами здесь протера некому заняться.

История с искусственным органом зрения длинна. Давно пора дать возможность изобретателю завершить большое, глубоко человеческое дело.

А. ШВАРЦ

104 нуля за «угол»

В гимнастических соревнованиях нулевым является в наши дни вполне равное. В мае 1938 год на первенстве страны гимнастические «барбаны», как говорится, не пелись. Быстрее бланос. Из 110 участников, вы-

полняющих упражнения на брусьях, 104 остались на этом снряде без оценок. Дело в том, что по условиям соревнованиям до вран гимнастическое положение «угол» не имел права допустить даже первобытною количеством носов — по нынешним правилам это считается мелкой ошучкой, стоящая гимнасту асего 0,1—0,2 балла».

И вот, когда и брусья подошли один из либеров первенства, представлять Грузии Дворджидзе, внезапно, внимательные присутствующих был приковано именно к нему. Гимнаст начал управление широким махом. Наконец дошла очередь до заполученного элемента. Четкий поворот, и все застыло в нужном положении. Но сам Дворджидзе, криво повернувшись до того за товарищей, видимо, потерял веру в свои силы. Он повернул голову и судье и с легким грузинским акцентом спросил:

— Продолжат ли смотреть?

Судья улыбнулся и новым голосом предостерег спортсменов продолжать упражнение...

Почталон с Кубы

После Олимпийских игр в Сент-Луисе (1904 г.) много писательств почталон с острова Кубы Феликсу Нарваля...

Феликсу очень хотелось попасть на Олимпийские игры, но не было денег на поездку в Соединенные Штаты. Юноша каждый день приходил на главную площадь Гаваны и принимал участие в азартной игре. Любопытные спрашивали: что с ним, для чего он это делает? «Просто юному привлек и себе ваше внимание, сенюры», — отвечал юноша. Тогда он решил идти в Сент-Луис пешим. Прошел около трех тысяч километров и попал и началу Олимпийских игр.

Он вышел на старт марафонских состязаний в своем обыч-

ном дорожном костюме. У Нарваля не было ни трусов, ни майки, ни беговых туфель. Он пошел в броне выше колен и застал до кончат рукава рубашки. Так он бежал всю дистанцию и занял... четвертое место!

ДАК БЪЛА СЛАБЕТЕН ОРАНЖЕВИЙ МУСОР

В небольшом гвинейском городе Канкане сохотские специалисты по сельскому хозяйству Шадрин и Киселев изучали условия сева риса. Не без помощи спонсировать два государственных рисовых хозяйства, которые Советский Союз обязал поставит молодой независимой африканской стране. Советские специалисты находились на почтении «гасарона» Мамади и старина повара Усмана Мунтага.

Мамади был молод, целеустремлен, готовился со временем стать студентом и уезжать учиться в Советский Союз или Чехословакию. Старый Усман, человек обстоятельный и содажный, любил порйордон и постоянно выговаривал «гасарону» за небрежно вымытую посуду. Он был повержен редкой в его возрасте страсти: коллекционировал значки. И Шадрин и Киселев с трудом удерживались от улыбки, когда, как религиозный старин проверял, крепко ли приколоты значки на груди, перед тем, как опуститься на колени для молитвы. Старый Усман любил похвалить и понало-ваться...

— Раньше слово главы семьи нельзя было опортить... — говорила повар, отвечая на каиние-то свои мысли.

Мамади возразил: — Да, вам, старинам, хотелось бы и сейчас скортить старые порядки.

— О чем ты говоришь, Мамади? — Я говорю о старых порядках и новых законах, которые наше правительство провело в жизнь. Намечется молодежи даны широчай простор. Юноши и девушки вошли во все деревенские комитеты, которые ведают местными делами. Они получили возможность защищать свои права. А некоторым старинам это не нравится... Вот, например, брачное законодательство. Раньше родители свогаривали за сильной невесты: женился платил пять тысяч старых франков выкупа и забирал невесту. А бывало, что богач предлагал больше — и девушки переходили за него. Сейчас эта позорная система отменена, и разрешения стариков не нужно.

— Напрасно ты наладился на стариков... — на-зидательно произнес Усман.

— Я надеюсь на молодых стариков. Ведь свобода — это дело одновременно и отцов и детей. Мы прогнали колонизаторов вместе. Твой сын сметает оранжевый мусор, а силу ему дал ты же сам, Усман!

— Это так, конечно, так.

— А что это за оранжевый мусор? — спросил Киселев, зная приверженность гвинейцев к цветистым оборотам.

— Рассказни, Мамади, наши русские друзья историю о том, как Сам помог сметать оранжевый мусор.

...Перед освобождением Гвинеи Сам Мунтага, сын повара, работал диктором на радиостанции Данара, столицей соседнего с Гвинеей Сенегала.

В 11 из 12 завоисрских территорий Франции колонизаторы посулами или нажимом добились на референдуме 28 сентября 1958 года нужного «да»: одиннадцать колоний согласились остаться пока по-прежнему колониями. «Непослушный овод» в колониальном стаде стала Гвинея. Объединенческой партией повел страну на нрав колониальной цепи.

Когда для хозяев стали ясны размеры опасности, они прибегли к идеологическим диверсиям. Был мобилизован обширный пропагандистский аппарат. Со страниц газет, через радиостанции Юндари, Данара, Монровии на головы гвинейцев обрушился поток дезинформации: «архидостовере» сведения о беспорядках в стране, навязчивая трескотня о перспективах новой французской конституции и прочее и прочее.

Вот такую страшно и приносили диктору Саму Мунтага дни чтения в эфир. Читал он на одном из африканских языков — фула. Сам не был на родине, когда там начиналась схватка между демократической партией и колонизаторами за голоса населения. Но он был честный патриот, и он уяслядел от старого Усмана любовь к справедливости и свободе.

В маленькой комнате студии Данара сидел перед микрофоном худощавый юноша с маленькими усиками и, глядя на листок, сочиненный колонизаторами, волнуясь, бросал в эфир огненные слова:

— Вам подло лгут, сограждане! Вспомните великого Самора, замученного колонизаторами, загляните в глаза ваших детей — там светится голод: посмотрите на вашу разрастную родину — и вы найдете ответ на референдуме: «Нет!»

Изо дня в день, в течение двух месяцев страна слушала голос патриота.

Риск был смертельным. Нашлись доносчики. Сама арестовали, угрозами смертью, подвергли изощренным пыткам, но в конце концов за недостатком улики (ведь Мунтага говорил на неизвестном колонизаторам наречии) выпустили на свободу.

А 28 сентября прозвучал оглушительный, как пощечина, ответ страны: «Нет!». Вели народа перестали бояться. Вскоре сразу после голосования. По площадям и улицам городов свекнул ветер освобождения нес умор разорванных оранжевыми листочком. Это были болятины со словами «да»...

В. МИРОШИН

— Национальный герой Гвинеи, борец с колониализмом.

АМЕРИКАНЦЫ ЗНАКОМЯТСЯ В МОСКВЕ

Молодые граждане Соединенных Штатов Дикон Чимпани, Бобби Блэйн и Ринан Шероув у себя дома, в Америке, буди незнакомы. Что привело их в Москву, где они познакомились друг с другом? Случай? Нет, не случай. Это стало дело посто, как трое новых друзей пришли в редакцию «Смены».

Растущая туга молодых американцев и Советскому Союзу, желание так можно больше узнать о нашей стране сделали такие встречи закономерностью.

Трое юных сидят в редакции. Студенчо улыбается светловолосый Дикон, черноволосый Бобби смеется задорно и открато. Гвиней достает гитару. Да, она неразлучна с этим музыкальным инструментом. Ринан — член молодежной организации, бо-рующейся за права негров. Ее оружие в этой борьбе — гитара. Ринан развлекать по стране и поет песни о труде, о тяжелой жизни негров, об их борьбе за свободу.

Мелодично звенит гитара. Удивительно хороши напевы народных песен. И Дикон, и Бобби, и все мы слушаем тугиче звуки «Ринан Брайденс — тюрмой песни негров, решительный мотив антивоенной «Даги бай риверсайда». А после песни наши новые друзья отвечают на вопросы, сами задают их. О многом хочется узнать и нам и американцам. Кто у нас читает из советских писателей? Кто выберет в президенты? Вопросы и ответы... Их много. Но самым важным открытием для наших молодых друзей из Америки было то, что жизнь в Советском Союзе оказалась намного лучше, богаче и интересней, чем они представляли ее себе. И еще одно сиятели нам гости: «Ваша молодежь, советские люди знают гораздо больше о жизни в США, чем мы о Советском Союзе».

Возраст не помеха

В тридцатых годах на плава-тельной территории наш спортсмен В. Китаев и француз Жан Тари. Победил победил, что было чередом лет после мировых рекордов Тари и через десять лет — победил победил чемпионки Китаев. Обими спортсменами было тогда по 28 лет. Еще через три года о Тари уже забыли, а Китаев по-прежнему устанавливал рекорды. Спортивная карьера французского пловца продолжилась до 40 лет. Китаев же выступал на водных дорожках давнее дольше, установив за это время два рекорда «Нордвол».

Примеров спортивного долголетия советских спортсменов можно привести немало. «Меланский нордвол» Юван Мильнев в двадцатидесять раз выиграл титул чемпиона страны по нырянию, когда ему было 43 года.

Великобританец А. Лебедев в 52 года установил рекорд в шоссейной гонке. Бельгийский спортсменна М. Шаманова в возрасте стала чемпионкой страны в 15-летнем возрасте, а спустя двадцать лет была будущим 35-летней женщиной и матерью, она сумела повторить рекорд Шамановой в гонке. Он успешно преодолел трудный маратонский бег в возрасте 58 лет...

Новый марафон

В Турции введена новая система назначения для водителей, позволяющая за рулем в нетрезвом виде.

Нарушителей задерживают в состоянии опьянения, отвозят-

ся полтора за 25 километров от места, где была остановлена машина. Здесь его высматривают и он получает разрешение вернуться к своему автомобилю

пешком. Во избежание того, чтобы кто-нибудь из водителей незаконного, полицейские сопровождают его до самого места назначения...

Рисунки В. Чижикова

ЭТИ ФИЛЬМЫ ВЫ СКОРО УВИДИТЕ НА ЭКРАНЕ

На киностудии «Арменфильм»

«КВАРТАЛ НАЧИНАЕТСЯ С НЕДОСТРОЕННОГО ДОМА»

Фильм «Квартал начинается с недостроенного дома», который ставит сейчас Юрий Ерзинкин по сценарию Перна Зейтуниана, — пятый фильм молодого режиссера. И если в своих прежних работах — «О моем друге», «Лесия первой любви» и других — он обращался к опытным актерам, то для съемок в новой картине он решил привлечь молодежь — артистов Павла Арсенина, Федора Макарина. Многие из участников будущего фильма впервые оказались перед съёмочной камерой. Правда, одну из центральных ролей играет опытная актриса Бакинско-театра Лариса Осепян, но и она еще ни разу не снималась в кино.

...Детство героев фильма прошло на узких, кривых улочках одного из старых кварталов Еревана. Здесь они выросли, погуляли, пошны и шлоуэ.

Пора юности... Остались позади школьные парты, беззаботные иг-

ры и прудели. Ребята все чаще и чаще задумываются, как дальше жить, что делать, какой выбрать путь. Фильм показывает сложный, переломный период в их жизни — период, когда складываются характеры, проверяются убеждения, дружба, любовь... У каждого из них была своя романтическая мечта, во многом еще нереализованная. Теперь на смену ей приходит настоящая, сложная и яркая жизнь.

Меняется и старый квартал. На месте ветхого дома вырастает прекрасное светлое здание.

В сценарии «Квартал начинается с недостроенного дома» нет внешнего драматизма. Это — произведение внутреннего конфликта, и поэтому режиссер Ю. Ерзинкин наибольшее внимание уделяет работе с актерами. Он хочет как можно точнее и глубже показать движение и рост характеров, становление мировоззрения юных героев.

«Я НЕ ХОЧУ»

Действие второго армянского фильма, «Я не хочу» (название условное), происходит в дни Великой Отечественной войны в оккупированном немецким городе.

Жизнь мальшей Вовы и Машеньки, детей командира партизанского отряда Давида, полна опасностей. Их ищут фашисты. С риском для жизни прячут детей незнакомые советские люди, передавая их из рук в руки, стараются отправить и партизанам. Помощь неожиданно приходит от рядового вражеской армии итальянца Марчелло, у которого любовь к детям одернула верх над чувством долга солдата.

Сценарий фильма состоит из не-

скольких новелл. Сценаристы Арнольд Агабабов, Сабир Ризаев и Лазарь Багаришвили поставили перед собой сложную творческую задачу: в каждом эпизоде создать выразительные образы людей с разными судьбами и психологией.

Авторы сценария передали в своем произведении драматическую, напряженную атмосферу войны.

Съемки фильма начались. Во главе с режиссером Лазарем Багаришвили группа уехала в эспедицию. Хочется пожелать большого успеха создателям этой гуманистической и оригинально задуманной картины.

Э. ТАДЭ

Рисунок Ю. Ганфа.

Рисунок В. Зарубина.

Рисунок А. Цветкова.

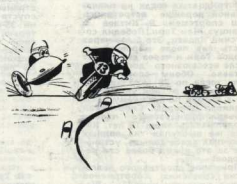

После прогулки на ближайшую планету.

- Много на счетчике?
- Астрономическая цифра!

Без слов

Оторвался.

ДОМАШНИЕ МУЗЕИ

Коллекционированием различных вещей, редкостей или памятных стариня занимаются миллионы людей. Их кропотливым трудом создано множество коллекций — своеобразных домашних музеев. Часто эти коллекции собирают рачительные экспонатеры... Работа коллекционеров — это не просто интересное дело, увлечение, страсть. За советами, разъяснениями, за материалами к ним обращаются ученые, художники, писатели, артисты.

Сегодня мы знакомим наших читателей с некоторыми из московских домашних музеев.

Шесть тысяч звучащих экспонатов

Журналист Леонид Волнов-Лантин коллекционирует грампластинки. Уже тридцать два года, день за днем, собирается эта редкая и интересная коллекция, в которой сейчас насчитывается шесть тысяч экземпляров. Самая большая пластинка — метр в диаметре, самая маленькая — несколько сантиметров. Различные

мелодии, разные исполнители... В коллекции есть уникальные экземпляры, но во всем мире таких пластинок несолько штук. Музыканты и искусствоведы приходят к Леониду Волнову с пакетами нотной бумаги и уносят...

«Однажды Леониду Волнову привнесли не пластинку, а столик маленький, голубой, кружок этнотники. На ней была расписана картина — Н. И. Миконины». Кто такой Миконин? Почему его имя в сборе музыкальных произведений осталось неизвестным? Был ли этот марш единственного творением композитора? И как он звучит?

Эти вопросы долгое время волновали Волнова. Наконец ему удалось достать экземпляр пластинки — пожелала, последний из сохранившихся.

Кановы же были удивлены и радость коллекционера, когда в звучащей музыке он узнал начальный вариант одного из революционных гимнов: «Вы жертвою пали...», автор которого до сих пор остается неизвестным. Сразу после Октябрьской революции музыка этого гимна по личному распоряжению В. И. Ленина была записана в клавиатуру кремлевских курантов.

Но о мизини и творчестве автора по-прежнему никто ничего не знал. Начался поиск. Многие люди пришли, чтобы посмотреть в этих местах побывать, и вот в городе Барнауле встретился наконец энтузиаст-коллекционер — старик-компози-

тор. «Есть в каждой коллекции самое интересное, свои особенно редкая жемчужина».

Такая жемчужина в коллекции Леонида Волнова — пластинка с записью речей Владимира Ильича Ленина. Коллекционер проявил огромную работу по розыску, реставрации и переносу на пластинку с голосом вождя. Историк грамплафины записал речей В. И. Ленина последние книги Д. Ф. Волнова-Лантин: «Голос охраненный напевки», недавно вышедшая в издательстве «Искусство».

Сестрорецкий рубль

К московскому инженеру Павлу Клирину, коллекционирующему монеты, приходят люди самых различных специальностей: археологи, географы, искусствоведы, историки. Каждому из них монета рассказывает много интересного. Знаем местность, где ее нашли, можно судить о чьей-то торговле, войнах и походах. По отношению веса металла и достоинства знака и по ярким чертам судят об эпохе, о культуре и правовом положении государства. По отливке и изображению — об уровне культуры и искусства. Металлическая монета, сравниваясь лучше других памятных стариня, помогает установить даты многих исторических событий.

«На иле бумага с императорским гербом лежит медный рубль весом в килограмм. История этой необычной монеты начинается с указа Екатерины II от 18 февраля 1770 года. Опустошенную наду разбузную рожью и прихотей фаворитов, императрица решила выпустить булавочные ассигнации, а потом заменить дефицитные золотые серебряные монеты медными.

Венчану рублей поручили медный рубль весом в килограмм, и 22 августа 1770 года два «кабурана» (образца) с тещинами и два без тещин были представлены в Сенат. На этом и прекратился выпуск новых монет, так как ни одна машина не могла изготовить нужные медные крупины. И все же в продолжение восьми лет — до

специального указа 1779 года — Сестрорецкий монетный двор пытался освоить их производство...»

В Сенат было представлено четыре образца. Всего их изготовили, видимо, не больше пятидесяти штук. Очевидно, с монетного двора несколько рублей попало в руки любителей редностей. Одна из монет весом в килограмм находится в коллекции Клирина.

В 1925 году Павлу Клирину предложили купить такой же рубль, но с дыркой в центре. По зарумяненным краям отверстие можно было догадаться, что монета служила противовесом на весах в каком-то бюро.

Эта монета, пожалуй, единственная из своих сестер, которая не пошла послушать людям, — усмеяется Клирин.

История русских крыльев

Инженер Вадим Борисович Шапов собрал шесть тысяч фотографий самолетов, в Туле, Таере и в других уголках его жизни. В нее входят фотографии первых русских самолетов и советских военных воздушных лайнеров. Она содержит описания,

чертежи и схемы, документы и воспоминания. Сколько потрудовилось энергии, чтобы не только собрать снимки, но и разискать необходимую информацию!

Чтобы опознать, например, самолет лишь на двух фотографиях, Шапов опросил коллекционера — находки. Чаще всего это подорожники, усложнявшие от исследователей и историков. А сколько интересных фактов: первыми сотрудни-

нами ЦАГИ были Жуковский и Туполев; первый в мире воздушный бой произошел на Французском фронте в августе 1914 года...

Вадим Борисович прова, имеет собирать и обрабатывать коллекцию по истории авиации. В этой работе особенно ярко проявляется исследовательский талант коллекционера-ученого. Историки коллекции легли в основу его трехтомного труда «Русские самолетостроение».

Сладкая коллекция

Когда рассказывают о московских коллекциях, эту прибегают «на десерт». И действительно, эта сладкая коллекция она состоит из приливоно. Собрал ее Николай Дмитриевич Виноградов.

Коллекция Виноградова — только народные прилики, которые выпечали в Новгород, в том, что каждая прилика — это художественное изделие, маленькое произведение искусства. И хотя оформили не профес-

сионалы-художники, а простые люди, прилика часто поражают богатством красок, выразительностью рисунку и форм. В этом, над и в вышине, кружево, резьба по дереву, и приливоно народный талант, наблюдательность, вкус.

Виноградову удалось сохранить много рецептов выпечки, найти затерянные рецепты.

Николай Дмитриевич Виноградов тщательно оберегает свое «собрание сладостей», специально подготовил прилика и хранению. Коллекцию продолжает собирать вместе И. Д. Виноградовым многие его «корреспонденты»: архангельский писатель Пянов, инженер Серверовский... Коллекционеру часто приходится посылать и из других стран: Польши, Венгрии.

Е. ЛЕВИТ
Фото Е. Тиханова

КАК УЧИТЬ ПОДБИРАТЬ КОМНАТУ

Третья беседа кандидата
искусствоведения
Марии ЧЕРЫШОВОЙ

Каждый, кому приходится приобретать новую мебель, знает, что задача эта весьма сложная. Ведь не только в том, что мильная промышленность все еще не может полностью удовлетворить запросы советских людей, но и в том, что до сих пор мы сплошь да рядом встречаем в магазинах мебель устаревшей конструкции, некрасивую, неудачную. До сих пор мебельные фабрики выпускают минералованные кровати с шпинцами, эзерини на курьих ножках, славянские шкафы и «эвротакские» диваны с полочками. Многие из них выполнены столь грубо и криво, что кажется, будто они сделаны каменным топором донесторичного человека.

К счастью, на смену устаревшим образцам сейчас все чаще приходит современная строгая мебель.

Широкое распространение в настоящее время получают встроенная мебель, которая органически входит в планировку каждой квартиры. Встроенные шкафы, гардеробные комнаты, шкафы-перегородки постепенно вытесняют громоздкие старомодные платные шкафы. А кровати, обычно занимающая не менее двух

1 Первая и вторая беседы опубликованы в №№ 12, 13.

квадратных метров площади, чаще загромождают туалет или ваннокомнатную, в котором устроен спальня-льщик для постельного белья. Очень удобна санционная мебель, которая имеет множество вариантов сборки и в зависимости от планировки квартиры, впуска и потребностей семьи. Большим преимуществом санционной мебели является то, что ее можно приобрести поштено, частями, она не требует сразу крупных затрат.

Не за горами то время, когда каждая сумеет обставить свою квартиру недорогой, красивой и удобной мебелью, удовлетворяющей требованиям самого разного и самого строго вкуса, мебелью, которую можно будет побороться.

Но, и следовательно, в обстановке многих квартир начинают появляться наборы стандарт. Стандарт — это набор из них мы встречаем неизменный паркетный или паркетный сервант, застеленные нижние полки, столики с телевизором, иногда даже письменный стол или серветер. Приходящий в гости — и узнаешь свою собственную комнату. Обязателен ли этот стандарт? Можно ли внести какое-то разнообразие, выдвинув в обстановку квартиру? Конечно, можно. Надо только уметь отыскать обычные наборы.

Письменный стол с тумбочкой очень находит официальное учреждение. Намного лучше простой, гладкий рабочий стол и небольшой низкий шкафчик рядом, где хранятся бумаги и книги. Неплохо также установить буфет или сервант с откидной крышечкой, которая, поворачиваясь, превращается в обеденный стол. Удачны и экононы: также стеганые полки, в которых предусмотрено специальное место для телевизора или радиоприемника.

Открытый туалетный столик в одной комнате так же нежелателен, как и кровать. В таких случаях туалет делают скрытым, внутри шкафа. Зеркало прикрепляется на внутренней стороне двери, под ним полочка с бортиком для мелких предметов туалета. А фляжки, порошки и прочее ставятся на одну из полоч.

Большие преимущества имеют навесные полки для книг, застеленные и открытые. Они экономят площадь пола, и их можно брать и вить.

Украшают комнату и небольшие напольные полочки для керамики, цветов. Их можно делать самой различной формы: прямые, угловые, ступенчатые, в виде лавочки.

Очень многое в оформлении квартиры зависит от вкуса и изобретательности хозяев.

Занавески на кольцах (широкой, всею шириной, ступенчатыми) можно отделить диван или диванкрот. Тягую занавеску можно запереть в любое время, она ни в коем случае не слезет, когда придут гости. Тогда вместе с подушкой, стульями, поставленным перед диваном, эта группа вещей образует уголок для отдыха. Если занавеска выбрана умело, она, кроме того, стано-

вится и великолепным декоративным украшением комнаты. Она может стать тем центральным цветовым пятном, которому подчинятся и воюруг, уюто, красота, и при другом всех остальных предметов в комнате. Чтобы создать красивую комнату, мало приобрести современную мебель. Надо найти правильное соотношение между площадью комнаты и находящимися в ней вещами: мебелью, тканями, осветительными приборами. Расстановка мебели должна быть не произвольной, а улавленной с планировкой комнаты и стенами.

При одной расстановке мебели можно добиться в комнате впечатление простора, уют, красота, а при другой та же комната будет назваться загроможденной.

Равномерно расставленная вдоль стен мебель создает ощущение тесноты. Стол, стоящий посредине в небольшой комнате, оставляет уютное впечатление. Если же мебель поставить торцом к стене, то такое размещение позволяет создать уютные отгороженные уголки для чтения, отдыха, беседы.

Разделенные комнаты легкими стеллажами или низкой мебелью — сервантами, шкафчиками, диваном, позволяют сэкономить пространство, сделать очень уютно и экономично.

Тем, кто не имеет возможности владениями и примерами далеко не исчерпываются возможности устройства и первоначальной стадии строительства. Чем больше творческой выдумки и ее применения, тем больше новых вариантов, тем смелее берутся творить. За дело, тем больше возникает неожиданных и часто очень удачных решений.

«КОЕЧО «ВЕРБАХ» ВШЕЙ КОМНАТЫ. КАК ОБВИНИТЬ... ВЫКОТ КРИМЫШКА. ЕЩЕ НЕЧТО СКАЗЕТ ЗАСЛУЖЕННЫЙ ВРАЧ РСФСР, КАНДИДАТ МЕДИЦИНСКИХ НАУК Д. П. И. А. Р. СОВЕТУ...

Обычно на протяжении длительного времени вредное действие табачного дыма остается незамеченным. Расплата наступает внезапно, чаще всего в 40—50 годах. В этот период жизни способность организма бороться с отрицательными воздействиями ниоткуда уменьшается.

Врачи обследовали большую группу людей, выкуривающих по 25—30 папирос в день. У всех были обнаружены в той или иной степени поражения сосудов, преимущественно коронарных. Многие из числа обследованных перенесли приступ грудной жабы, страдали сахаром, ссуду до мозга и т. д. Курение предрасполагает также и рану легких, туберкулезу.

Среди тех, кто ежедневно выкуривает по 20 и больше папирос, смертность во много раз выше, чем среди людей, не употребляющих табак.

Тысячи людей могут подвергнуться, что, лишь прирваться курение, они испытывают резкое улучшение самочувствия и убедились, какое пагубное влияние на их здоровье оказывало курение и табачным дымом.

Надо смолоду не привыкать к папиросам, а если уж это случилось, — бросить курить.

Помните: табак укорачивает жизни!

ПРАВИЛЬНО УХОДИТЕ ЗА ЗУБАМИ

Хорошие зубы не только украшают человека, но и необходимы для сохранения здоровья. Отсутствие многих зубов придает лицу старческое выражение, делает непонятной речь, ухудшает пищеварение, пища, это затрудняет работу желудка и кишечника.

Врач В. ЛУРЬЕ

Как сохранить крепкие зубы? Многие зависит от самого человека. Прежде всего нужно следить за своим питанием, стараться есть разнообразно, есть овощи и свежую зелень, чередуя их с мясом, рыбой. Особенно необходимы витамины А, С, а для детей — D.

Ухаживая за зубами, помните, что чистить зубы порошком или пастой, причем щеткой следует водить не только на поверхности, но и по внутренней поверхности зубов, вдоль них, чередуя вниз и вверх. Вечером перед сном следует полоскать рот теплой водой.

Нельзя очищать зубы от остатков пищи булавкой, грызть зубами сахар, орехи и т. п. Это вредит и повреждает эмаль. Утром и по утрам чистите зубы порошком или пастой, а в зуб проминают миробор, и он помогает разрушить налет, который образуется на зубах и в их корнях могут вызвать заболевания десен, сердца, почек и других органов.

Дане если вас ничто не беспокоит, ежедневно старайтесь показывать зубному врачу, чтобы своевременно предотвратить заболевания зубов и десен.

Правильно ухаживая за зубами на протяжении всей жизни, вы продлите ребенку долгие чистые зубы: сначала только молочные, а после — постоянные. Не забывайте чистить зубы — пользоваться и зубным порошком, и пастой.

Возможно, и вы захотите сделать об этом. Но вот и прекрасной! Остается только ухаживать за зубами, регулярно следить за зубами.

СПОРТИВНЫЙ КОСТЮМ с КОРОТКИМИ БРЮКАМИ

Юлий СЕМЕНОВ

Я приехал отдыхать в Сочи. Отдыхать в Сочи очень приятно. Я распаковал свой чемодан и достал спортивный костюм с короткими брюками — так много оговаривается в ГИР, Болгарии, Чехословакии, во Франции и Италии. Особенно на отдых.

Переговариваясь с соседями, и мы решили создать волейбольную команду. Почему-то считается, что нет отдыха без волейбольной команды. Правда, наша волейбольная ассоциация выглядела несильно странно, потому что второго номера в ней играл семидесятилетний профессор Стахов, а пятого — солист Тондисской оперы иллионист Зейдич, очаровательный человек с тридцатью золотыми зубами и без левого глаза.

Мы выехали на соревнования соседней санаторий. Мы хотели обыграть их в волейбол. Мы отправились к ним после обеда и после обеденного отдыха. Мы шли влетером, и над нами громко смеялись прохожие. На нас показывали пальцами. Я думаю, что все это из-за того, что седебородый Стахов несет волейбольные мячи, или из-за того, что Зейдичом сзади уже кто-то горло распекает: «Хорошо спортсменом быть! Хорошо красивым быть!».

Нет, Смеяться не погугму. И милиционер свистел не попустому. Все потому, что я шел в спортивном костюме с короткими брюками.

А когда мы выстроились на площадке в соседнем санатории, то вместо приветственных воплей раздались надругательные крики:
— Не место стилигам на спорттерране!
— Долой короткоштаники!

ДЛЯ ВАС, ЮНОШИ, И ДЛЯ ВАС, УВАЖАЕМЫЕ ТОРГОВЫЕ РАБОТНИКИ!

Неправильно думают некоторые, что юноши должны одеваться бесцветно, невыразительно. В жаркие дни удобна и практична рубашка свободного покроя. Она носит явно спортивный характер, поэтому ее можно носить с брюками без пиджака, с пуловером, спортивной курткой, с поджамом спортивного покроя.

Мы предлагаем вашему вниманию несколько фасонов таких рубашек, сшитых из недорогих тканей (баталь, пике, репс, лен), и надеемся, что они понравятся вам. Демонстрируют модели студенты Государственного Центрального ордена Ленина института физической культуры.

Редакция надеется также, что эти фасоны попадутся на глаза работникам торговых организаций. Ведь в основном от них зависит, чтобы такие рубашки из демонстрационных залов Домов моделей поскорей переночевали на прилавки магазинов.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Секретариат — Д 3-34-24. Отделы: литературы и искусства — Д 3-35-34, очерка и публицистики, юмора и сатиры — Д 3-31-69, науки и техники, спорта — Д 3-36-66, международной жизни, информации — Д 3-36-90, писем — Д 3-31-69, оформления — Д 3-34-22.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакционная коллегия: М. Н. Алексеев, Ю. Н. Верченко, Е. А. Долгатовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Д. Николаев [заместитель главного редактора], Е. И. Рубчиков, А. А. Сокин, С. С. Спасский, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

А 006-11. Подписано и печатно 30/VII 1960 г.

Знак 2030.

2,25 б. л. — 6,17 п. л.

Технический редактор А. Ерасов.

Тираж 771 000 экз. Изд. № 1205.

Формат бумаги 70×108/16.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Фото М. Ганикина

Рис. К. Ворисова.

Конечно, мы проиграли. А когда мы шли к выходу, провожаемые криками и свистом, ко мне подошел человек в черном бостонском пиджаке, надетом вместе с ползатылями пиджачными брюками, и, спорно поначав головой, изрек:

— Скромнее надо одеваться, молодой человек, скромнее.

— Кто я? — осведомился я у него.
— Кто я? — переспросил он и, подтинув ползатыли пиджачными штанами, ответил: — Я директор фабрики музского платья.

Мне стало очень нехорошо и захотелось сделать какой-нибудь поступок, но подошел Зейдич, взяв хукаку руками, даягучу золотом, вставленным в рот, и директор фабрики как-то моментально исчез.

На следующий день, перед началом игры — мы все же решили взять реванш — на площадке вышел профессор Стахов и долго просил тишины, потому что снова начался крики:
— Стилигам не место на спорттерране!
— Долой!

Насколько из уважения к его седею профессорской бороде, особенно отглаженных кривулов Угомоулли, и Стахов сказал:

— Товарищи, объявляю состав нашей команды. Номер первый, — он указал пальцем на меня, — болгарский журналист... Тотого Михайло! Разорвавшаяся бомба произвела бы меньше впечатление, чем этот профессорский реванш. Воцарилась мертвая тишина. А когда началась игра, все явно болели за нашу команду. Все кричали:

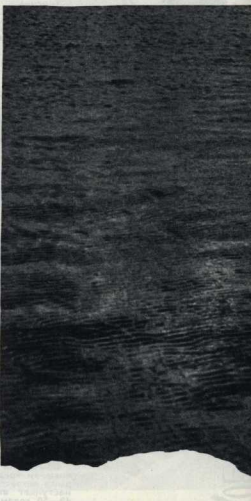
— Яме болгаря!

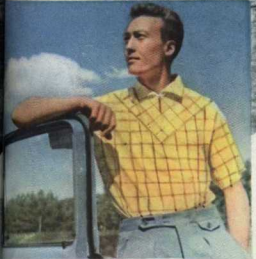
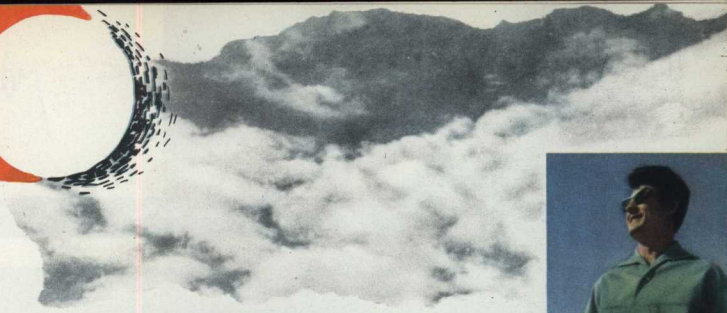
— Лавай, другари!

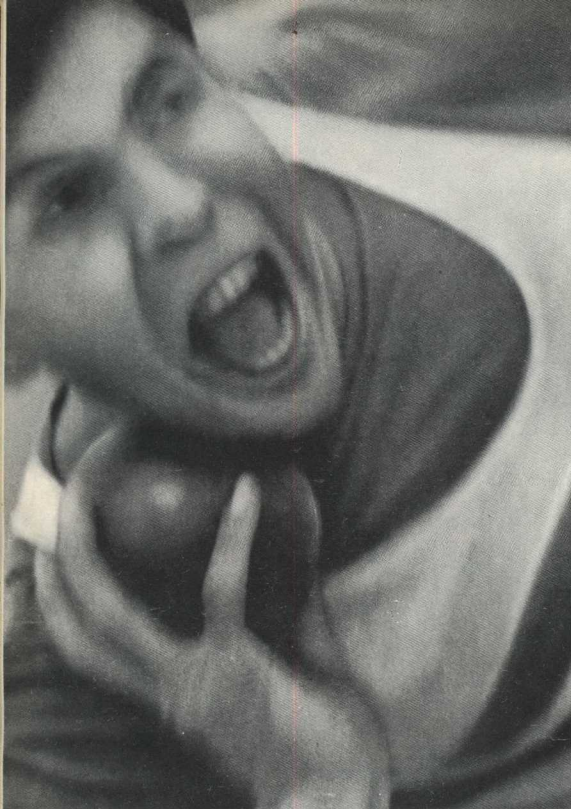
— Молодцы, короткоштаники!

И мы выиграли. После игры ко мне снова подошел директор фабрики готового платья. Он взял меня под руку, сказал: «Пардон, пардон, — и погладил в сторону. Там он оцупал мой костюм и сказал, зачумо-чумая слова: Хорош! Фасончик! Только брюки надо бы подлиннее!»

Вот, собственно, и вся история. Костюм с короткими брюками с тех пор и не носил. Я спрятал его. Мне бозино его надевать. Мне стыдно.

В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

ОЛИМПИЙСКАЯ

СМЕНА

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ВЫПУСК,
ПОСВЯЩЁННЫЙ

РИМСКОЙ

ОЛИМПИАДЕ

